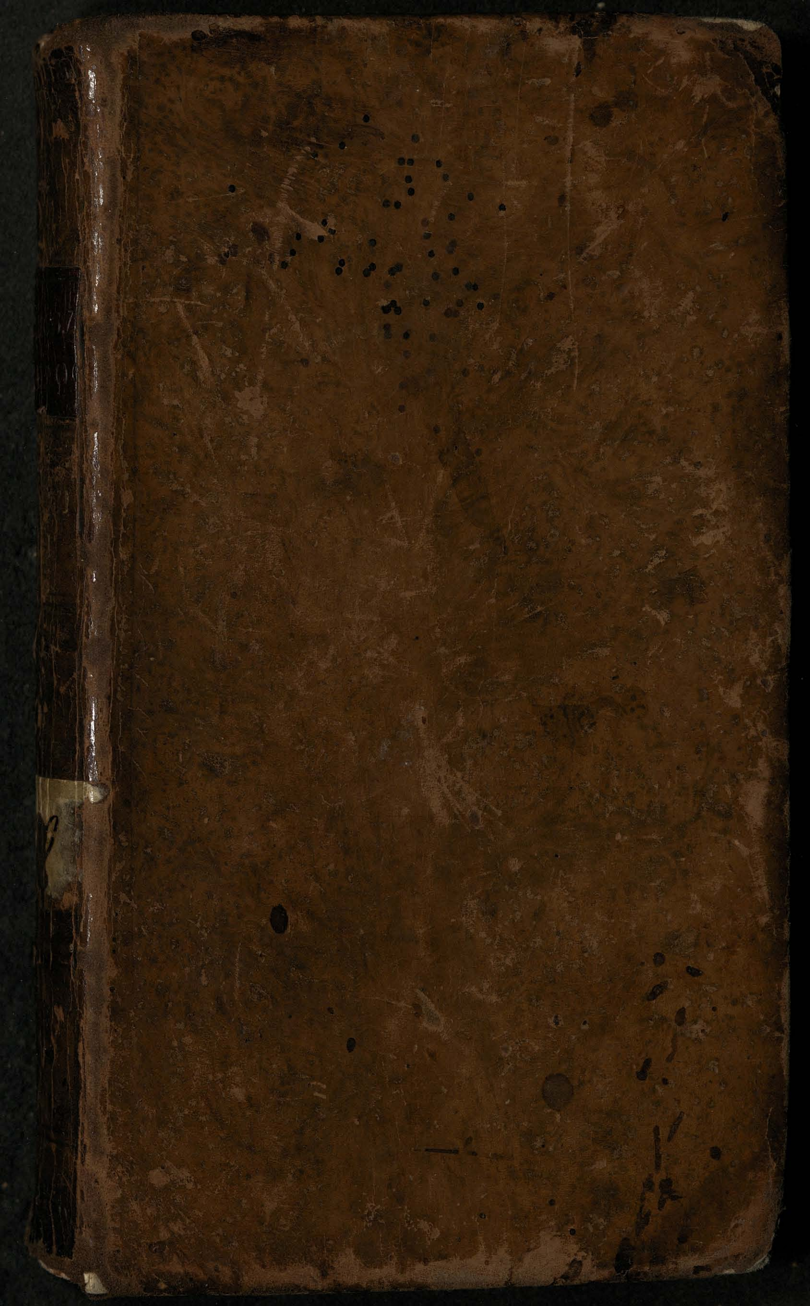
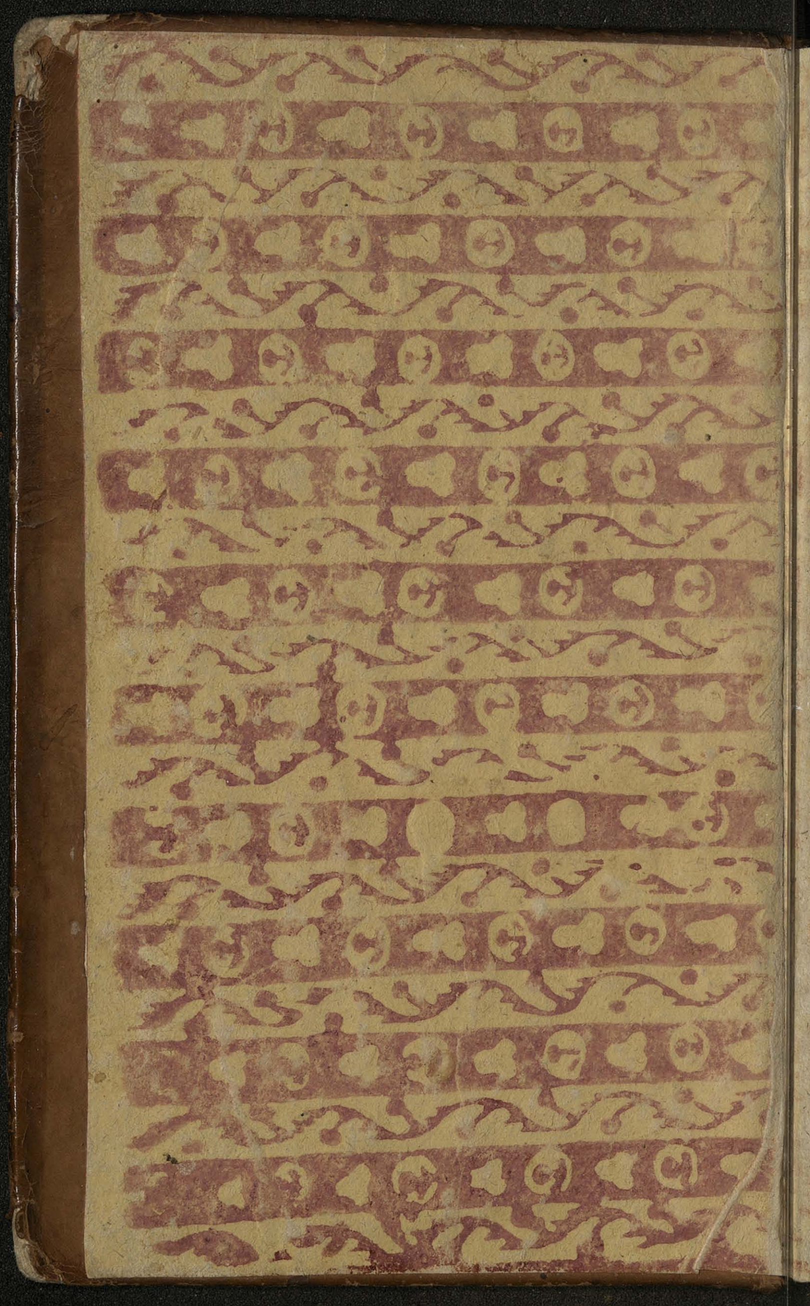
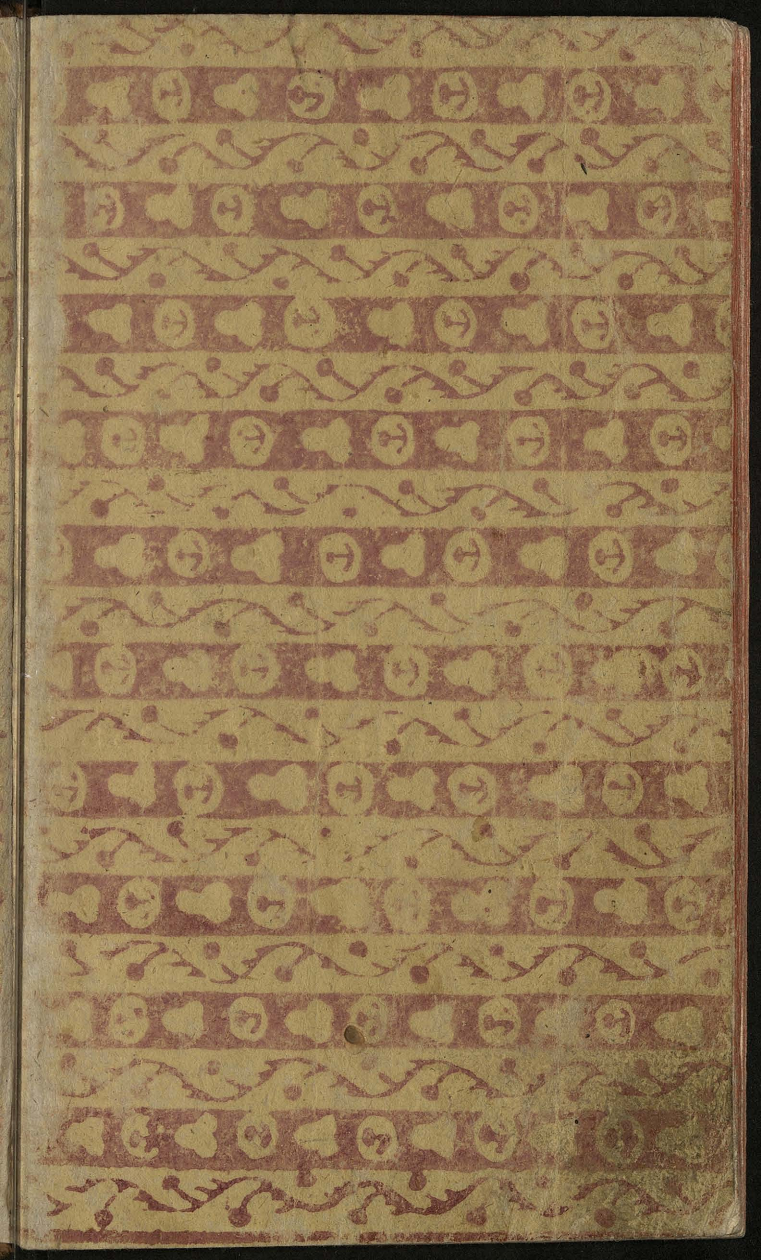

ВЛЮБЛЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ.

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГРАФА МОМЖАНА.

изъ сочиненій
господина
МАРКИЗА Д'АРЖАНСА.

Перевелъ съ Французскаго
Н... Н...

Частъ I.

ВЪ МОСКВѢ
въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1781. года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Влюбленный Философъ, или приключеніе Графа Момжана, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ и Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО

ВЫСОКОРОДІЮ

милостивому государю моему

ДМИТРІЮ МАТВѢЕВИЧУ

ОЛСУФЬЕВУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Надобно конечно быть столько обязану, сколько обязанъ я Вами, чтобы ощутить самымъ опытомъ, и услажденіе сердца благотворящаго, и чувствительность души, то благотвореніе пріемлющей. Участіе, принятое Вами въ благополучіи молодаго человѣка, сколь мало Вамъ извѣстнаго, столь напротивъ того близко мнѣ принадлежащаго, подало мнѣ вожделѣнной случай узнать совершенство обѣихъ сихъ истиннъ. Но чтобы благодарность моя къ Вамъ превосходя далеко всѣ силы заслугъ моихъ, не осталась заключенна въ тѣсныхъ предѣлахъ единаго сердца, то я спѣшу открыть оную обществу, приписаніемъ имени Вашему сей переведенной мною книжки. Я не стыжусь признаться, что ни исправностію перевода, ни своимъ содержаніемъ она того не-

достойна; но добродѣтель, какова Ваша, посмотритъ ли на цѣну предмета благодарности? нѣтъ, она взираетъ на его намѣренiе! Итакъ примите, Милостивый Государь! сiе малое приношенiе, за искреннѣйшую жертву моей вамъ признательности, и оставьте мнѣ пожелать еще только то, чтобы всякой читатель, который удостоитъ прочесть переводъ сей, зналъ и былъ увѣренъ равно со мною, съ какимъ глубочайшимъ почтенiемъ и совершенною преданностiю я есмь

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ МОЙ!

Вамъ обязаннымъ и покорнымъ слугою.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ
или
приключенія
ГРАФА МОМЖАНА.

Наистрожайшія предосторожности, и всевозможное вниманіе не въ силахъ бывають охранить человѣка отъ стрѣлъ любовныхъ! Когда сей богъ хочетъ поразить чье сердце, тогда тщетно противятся его власти. Онъ равно подвергаетъ своему владычеству Философа и Петиметра, цѣломудренную и кокетку, набожнаго и вѣртопраха, пустынника и свѣтскаго человѣка; и въ какомъ бы состояніи, въ какомъ бы положеніи кто ни былъ, долженъ конечно уступить его могуществу.

Графъ Момжанъ, рожденной отъ отца, котораго сильная страсть сдѣлала злополучнымъ, былъ издѣтска воспитанъ въ предразсужденіяхъ, совсѣмъ противныхъ прекрасному полу. Ему непрестанно изображали оной въ ужасномъ видѣ, и старались не только удалить, но внушали отвращеніе отъ сего, что могло причинить наималѣйшую слабость. Хочешь ли быть, мой сынъ! щастливъ? говаривалъ ему отецъ его. Старайся сколько можно убѣгать обращенія съ женщинами. Взирай на нихъ, какъ на ужасное сокрушеніе человѣческаго блаженства. Пріобучи себя заблаговременно защищаться отъ ихъ сѣтей. Они опасныя Сирены, коихъ ложной и обмачивой видъ гораздо разительнѣе пѣнія тѣхъ, о которыхъ писали древніе Стихотворцы. Чѣмъ болѣе думаешь ты найти въ нихъ чистосердечія и искренности, тѣмъ болѣе долженъ ты не довѣ-

рять

рять ихъ притворству. Протей не столь былъ изобиленъ въ превращеніяхъ, и менѣе умѣлъ принимать на себя различные виды, нежели женщина, которая въ свѣтѣ почитается самою простою и самою невинною. Послушай, мой сынъ! чтобы ты сдѣлалъ, естьли бы кто увѣрялъ тебя, что дорогіе каменья, которые тебѣ подарятъ, напоены сокровеннымъ ядомъ, который неминуемо причинитъ твою погибель? Конечно, презрѣлъ бы ты сокровища, обладаніе которыхъ будетъ тебѣ столь бѣдственно. Естьли хочешь быть щастливъ, взирай на женщинъ, какъ на сіи ядовитые дорогіе камни. Они имѣютъ также какъ и тѣ, бриліантъ, который ласкаетъ, присвоиваетъ, и привлекаетъ глаза и сердце; но они погубляютъ того, кто ими не презираетъ; и уже поздо раскаяніе для того, кто не убѣгалъ ихъ сѣтей. Почти не возможно возвра-

тить утраченную вольность. Спокойствіе подобно острову, со всѣхъ сторонъ окруженному стремнинами. Трудно взойти на оной, когда одинъ разъ съ него сойдешь! Кто найдетъ довольно власти надъ своимъ разумомъ, для избѣжанія своей слабости, тотъ рѣдко имѣетъ довольно силы исправить свою погрѣшность, и разорвать оковы, коими обременилъ самъ себя.

Разговоры столь противные полу впечатлѣвались въ сердце молодаго Графа Момжана. Дружба и почтеніе, какія онъ имѣлъ къ своему родителю, дѣлали оные еще болѣе чувствительными. Для чего, говорилъ онъ самъ въ себѣ, Небо влагаетъ въ людей столь опасную склонность: и сколь дорого стоитъ имъ противо-стоять оной? Родитель мой увѣряетъ меня, что всѣ сокровища въ свѣтѣ, недовольны наградить утрату вольности; что сердце подвластное

жен-

женщинѣ, стенаетъ въ жесточайшемъ невольничествѣ. Что пользы ему подавать мнѣ такія наставленія, естьлибъ не побуждали его къ тому дружба и горячность, какія онъ ко мнѣ имѣетъ? Итакъ я долженъ стараться возпользоваться его разумѣніями, и привесть себя въ состояніе, не впадать никогда въ тѣ заблужденія, слѣдствія которыхъ изобразилъ онъ мнѣ столь ясно. Науки и уединеніе суть двѣ вещи, кои помогутъ мнѣ сохранить сердце въ щастливомъ равнодушіи, въ какомъ я нахожусь теперь дѣйствительно. Я не могу довольно похвалить ихъ обоихъ. Я живу отъ младыхъ моихъ лѣтъ въ семъ сельскомъ жилищѣ. Едва во весь годъ провожу я два или три дни въ городѣ. Я люблю читать книги. Мой разумъ со удовольствіемъ внимаетъ преданію великихъ мужей. Бесѣда съ Платономъ, съ Епикуромъ, съ Декартомъ, и

и съ Гассендіемъ, имѣетъ для меня безконечныя пріятности; остается мнѣ только продолжать всегдашнюю мою жизнь. Я могу быть увѣренъ о непрерывномъ спокойствіи, буду безопасенъ отъ стрѣлъ любви, и не страшуся, чтобъ пришла она возмутить меня, въ семъ убѣжищѣ посреди книгъ моихъ.

Графъ Момжанъ исполнилъ самымъ дѣломъ взятыя намѣренія. Онъ совсѣмъ предался Философіи, и она была единственнымъ его упражненіемъ. Имѣя отъ роду неболѣе 23 года, пріобрѣлъ познанія неизвѣстныя многимъ, углубившимся въ науки. Его родитель весьма радовался, усматривая его разумъ и прилѣжаніе. Онъ безпрестанно ласкалъ себя, видѣть щастливую удачу своихъ наставленій. Я умру спокойно, мой сынъ! говорилъ онъ ему; ибо вижу прежде, нежели сойду во гробъ, что ты избралъ себѣ жизнь разумную и спо-

спокойную. Въ старости моей, я забываю всѣ печали, какія претерпѣлъ я въ теченіи моей жизни; и небо, оскорбляющее меня столько времени, подаетъ мнѣ наконецъ нѣкоторое утѣшеніе.

Могу ли я, повторилъ Графъ Момжанъ, спросить причину тѣхъ нещастій, о которыхъ вы мнѣ столь часто упоминали отъ самаго моего рожденія? Я слышалъ, что вы оплакиваете вашу участь, и никогда не смѣлъ спросить васъ объ оной. Я всегда опасался, нѣтъ ли въ томъ такой тайны, которую вы отъ меня скрываете. Почтеніе къ вамъ, воздерживало всякой разъ мое любопытство. Но естьли не нарушая оное, я могу узнать отъ васъ все содержаніе вашихъ злополучій, примите трудъ, любезной родитель, мнѣ открыть оныя! Они могутъ утвердить меня въ добродѣтели. Напоминаніе прошедшихъ вашихъ нещастій; заставитъ меня страшиться тѣхъ,

ко-

которыя бы мнѣ случиться могли, и я постараюсь почерпнуть нѣкоторую пользу изъ таинствъ, какія вы мнѣ открыть изво́лите. Сынъ мой! отвѣчалъ господинъ Момжанъ, я охотно удовольствую твое любопытство; и понеже я по испытаніи долговременной бури, нѣсколько уже лѣтъ нахожусь въ пристанищѣ, то повѣсть претерпѣнныхъ мною золъ, произведетъ въ сердцѣ моемъ болѣе сожалѣній, нежели отчаянія. Она можетъ тебѣ быть весьма полезна; и заблужденія, въ какія ввергали меня мои слабости, будучи тебѣ наставленіемъ, не допустятъ тебя впасть въ подобныя симъ неудобства.

Исто-

Исторія
ГОСПОДИНА МОЖАНА
отца.

Я съ ребячества довольно имѣлъ склонности къ ученью. Мой отецъ, у котораго я одинъ только и былъ, крайнее прилагалъ стараніе о моемъ воспитаніи. Онъ опредѣлилъ ко мнѣ многихъ учителей, и я столь удачливо слушалъ ихъ преподаванія, что имѣя отъ роду 17 лѣтъ, былъ уже въ состояніи пріобрѣсть самъ собою полное знаніе въ труднѣйшихъ наукахъ. Я употреблялъ часть моего времени на ученіе, а другую къ снисканію дружбы моего родителя. Милости, какія онъ всегда имѣлъ ко мнѣ отъ самаго моего младенчества, присовокупили новыя чувствованія къ тѣмъ, какія мнѣ внушала сама природа. Я всегда опасался его прогнѣвать, и всякой разъ старался предупреждать его желанія.

нія. Сіе попеченіе охраняло сердце мое отъ смятеній любовныхъ, во все время его жизни. И какъ онъ всегда съ удовольствіемъ взиралъ на мою въ наукахъ прилѣжность, то и составляли они единственное мое упражненіе. Я мало выходилъ изъ моего кабинета, и никогда не отваживался подвергать вольность мою опасности. Вдругъ судьба моя перемѣнилась, и я вышелъ изъ сего спокойнаго состоянія, чтобы погрузиться въ другое, въ которомъ испыталъ я всѣ жестокости фортуны.

Смерть моего родителя была первымъ моимъ злополучіемъ и источникомъ всѣмъ другимъ. Я лишился его въ такое время, когда обхожденіе съ нимъ наиболѣе мнѣ было нужно. Будучи 20. лѣтъ, остался господиномъ довольно знатному имѣнію. Мало по малу ученіе менѣе для меня составляло удовольствія. Мой кабинетъ имѣлъ уже посредственныя пріятности.

Я примѣчалъ, что иногда находилъ въ немъ скуку. Живое и стремительное мое сложенiе разорвало наконецъ оковы, кои меня до того времени остановляли. Желанiе понравиться моему родителю, болѣе меня не обременяло, я слѣдовалъ моей склонности, не стараясь побѣдить оную. Я оставилъ мои книги. Я свелъ знакомство съ молодыми людьми, живущими въ открытомъ свѣтѣ, и рѣдко хаживалъ къ тѣмъ разумнымъ людямъ, съ коими я обращался прежде. Вскорѣ потомъ я столь сильно забылъ прежнiй порядокъ моей жизни, что уже воспоминалъ оную какъ сонъ, до половины изъ памяти моей изчезшiй.

Я часто ходилъ къ Графинѣ Дрекуръ. У нее было всегда отборное собранiе. Дѣвица Сеньшонъ обыкновенно туда прiѣзжала, и мало проходило дней, когда бы ее я тамъ не видалъ. Она имѣла прекрасные глаза, цвѣтъ

лица, превосходящій лилеи и розы, стройной станъ и благородной видъ. Она присовокупляла къ симъ свойствамъ веселой и забавной разумъ, и казалась постояннаго нраву. Она оказывала много чистосердечія и откровенности. Я былъ молодъ и не знающъ въ свѣтѣ, и попался въ такую сѣть, которой я по малому моему искуству избѣжать не умѣлъ. Я влюбился и тотчасъ страсть моя усилилась прежде, нежели я то увидѣлъ. Я узналъ о потеряніи моей свободы тогда, когда уже былъ не въ силахъ возвратить оную паки.

Дѣвица Сень-Шонъ съ удовольствіемъ взирала на успѣхи, произведенные ею въ моемъ сердцѣ, и которые получала въ немъ всякой день. Она притворялась, что того не видитъ, и почитала сіе средствомъ умножить любовь мою. Она сама не была ко мнѣ не чувствительна, но лучше хотѣла сокрыть на нѣсколько времени свои чувствованія,

нія,

нія, нежели подавъ мнѣ скорую надежду, отважиться уменьшить тѣмъ страсть мою. Она столько была въ любви искусна, сколько я не смысленъ. Хотя была не старѣе 30. лѣтъ, но столь осторожно вести себя умѣла, что мало было такихъ людей, которые бы знали о любовныхъ ея затѣяхъ.

Воздыхая почти два мѣсяца, и тщетно разговаривая съ нею моими глазами, я думалъ, что не оставалось мнѣ болѣе средства дать знать о моей любви дѣвицѣ Сень-Шонъ, какъ только ей въ томъ открыться. Всѣ мои угожденія, говорилъ я, не могутъ показать ей то, что произходитъ въ моемъ сердцѣ. Мои старанія, мои взгляды, мои вздохи, мои смятенія суть безмолвные разговоры, какихъ она не разумѣетъ. Итакъ дѣйствительно долженъ я открыть ей страсть, какую она во мнѣ производитъ. Сіе есть единое средство облегчить чувствуемыя мною му-

мученія. Безъизвѣстность, въ какой я теперь, составляетъ для меня несносную муку, и ея презрѣніе менѣе бы мнѣ причинило горести. По крайней мѣрѣ, естьли ей во всемъ откроюсь, то узнаю, какъ мнѣ себя вести должно? И естьли и принужденъ буду отказаться отъ обладанія ея сердцемъ, досада поможетъ мнѣ возвратить прежнюю мою свободу.

Итакъ я вознамѣрился конечно открыться дѣвицѣ Сень-Шонъ, и искалъ способнаго къ тому случая; но я не зналъ, чтобы то я почиталъ за возможное: ибо оно могло быть для меня совсѣмъ невозможнымъ. Любовница моя проницала во глубину моего сердца. Она единымъ взглядомъ видѣла все то, что въ немъ произходило, и легко догадывалась, что я искалъ средства поговорить съ нею безъ свидѣтелей. Но какъ она еще не думала, что уже время допустить меня до настоящаго открытія;

то умѣла искусно почти чрезъ цѣлой мѣсяцъ отводить всѣ случаи; гдѣ бы я могъ исполнить мое предпріятіе.

Толико трудностей усугубляли любовь мою и терпимыя мною мученія придавали ей новыя силы; и вмѣсто того, чтобы примѣтить оборотливость дѣвицы Сень Шонъ, я приписывалъ ея разуму и ея скромности старанія, какія прилагала она воспрепятствовать мнѣ говорить съ нею наединѣ.

Пользуясь моимъ незнаніемъ болѣе четырехъ мѣсяцовъ, она начинала опасаться моей перемѣны, и чтобы не отвратить толикимъ сопротивленіемъ, вознамѣрилась наконецъ дать мнѣ увидѣть слабой лучь надежды. Она находила меня весьма выгодною для себя партіею, и думала, что естьли склонитъ меня къ супружеству съ нею, то не должна будетъ сожалѣть о утратѣ двухъ или трехъ любовниковъ, которыхъ

она прежде меня имѣла. Но что ее безпокоило наиболѣе, то былъ страхъ отъ Барона Сень-Сиранъ, съ которымъ она такъ тѣсно соединена была, что не могла его оставить, не подвергнувъ себя поношенію. Она опасалась, чтобы не узнали про сей союзъ, какъ я, такъ и все общество. И сія то была главнѣйшая причина, для которой не смѣла она говорить со мною откровенно. Между тѣмъ какъ сей Баронъ мало былъ награжденъ съ стороны щастія; то и любила она его за неимѣніемъ другаго любовника, и въ отмщеніе Кавалеру Пралену, почему и рѣшилась сдѣлать съ нимъ настоящей разрывъ, а меня привлечь къ себѣ навсегда, естьли бы то возможно было. Итакъ въ одинъ день, какъ я хотѣлъ итти отъ Графини Дрекуръ, подала она мнѣ случай свободно ей изъясниться. Остановитесь на минуту, сказала она мнѣ; здѣсь нѣтъ моего экипа-

жа, и вы меня отвезите въ домъ мой. Я тотчасъ понялъ, сколь полезенъ будетъ для меня сей случай, и нетерпѣливо дожидался окончанія игры. Она играла въ фаро: я стоялъ у нее за стуломъ и поспѣшалъ отъѣздъ ея моими глазами. Она проиграла тогда Сетъ-Элева, и встала изъ за стола, поѣдемъ, сказала она мнѣ, мнѣ не жаль, что я проиграла послѣднюю сію карту, потому что вы не должны дожидаться долѣе. Я столько занятъ былъ пріуготовленіемъ къ любовному моему открытію, что ничего не отвѣчалъ ей на сію учтивость. Вы въ мысляхъ, сказала она мнѣ, вышедъ на крыльце. Я хотѣла звать васъ прогуливаться; но мы будемъ представлять весьма странную фигуру въ каретѣ, естьли предадимся каждой своей задумчивости. Эхъ! сказалъ я ей, я вамъ обѣщаюсь быть наивеселѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, естьли вы здержите ваше слово:

я вамъ признаюсь, что часть моей меланхоліи произходила отъ сожалѣнія растаться съ прекраснѣйшею особою въ свѣтѣ. Понеже вы меня увѣряете, отвѣтствовала дѣвица Сень Шонъ, что будете веселы, я соглашусь возпользоваться веселымъ вашимъ духомъ до самой ужины. Поѣдемъ дожидаться его въ Тюллери. Но я не знаю, говорила она, что подумаютъ, естьли увидятъ меня тамъ одну съ вами. Возмемъ Бароншу Ваксеръ и повеземъ ее туда съ собою.

Такое предложеніе заставило меня трепетать. Я видѣлъ, что всѣ мои чаянія изчезли въ одинъ мигъ. Ну чтожъ, сказалъ я ей, не въ силахъ будучи овладѣть первымъ моимъ движеніемъ, не ужель все щастіе, какого я надѣялся, должно быть разрушено пустымъ сомнѣніемъ? А какое то щастіе? примолвила она разсмѣявшись. Все что вы говорите, кажется мнѣ довольно смѣшно и

до-

довольно чрезвычайно! изрядно, теперь я не осмѣлюсь ѣхать одна съ вами. Вы раждаете во мнѣ тысячу подозрѣній, которыя, сколь они ни смѣшны, меня безпокоятъ. Тогда я увидѣлъ, что наступило время воспользоваться сею минутою. Изрядно, сударыня! сказалъ я ей, то правда, что я желалъ поговорить съ вами въ Тюллери безъ свидѣтелей. Тамъ хотѣлъ я вамъ сказать, что умираю отъ любви къ вамъ, что моя участь въ рукахъ вашихъ, что ваша ненависть совершитъ мое нещастіе. Не имѣла ли я причины, пресѣкши рѣчь мою, говорила дѣвица Сеньшонъ, не подавать вамъ случаю надо мною издѣваться. Подите, Графъ, не мнѣ должны вы расказывать такіе вздоры! знаю я что вы очень богаты, не станете помышлять о дѣвицѣ, столь мало награжденной съ стороны щастія, какъ я: повѣрьте мнѣ, станемъ лучше говорить о чемъ ни есть смѣшномъ

и забавномЪ. Но что же сказалЪ я ей, не уже ли вы думаете, что сердце мое способно кЪ притворству? Можете ли вы подумать, что подлая корысть? . . . Я ничего не думаю, повторила дѣвица Сень-ШонЪ; прервемЪ разговорЪ, который могутЪ подслушать, и растолковать вЪ худую сторону. Проговоря сіе, обратила на меня прекрасные свои взоры; я не могЪ снести ихЪ пламени, и потупилЪ глаза вЪ землю. Я былЪ вЪ несказанномЪ замешательствѣ: но между тѣмЪ чувствовалЪ тайное удовольствіе, что любовница моя приняла сЪ такой учтивостію мое изьясненіе. Я почти выигралЪ, когда защищалась однимЪ только различіемЪ богатства. А тѣмЪ самымЪ поданЪ мнѣ случай открыть всю мою горячность. Я надѣялся жертвовать ей всѣмЪ щастіемЪ, какое мнѣ Небо даровало, естьлибЪ только могЪ уговорить ѣхать со мною одну вЪ Тюлери;

лери; но мнѣ было никакъ не возможно къ тому ее склонить. Она возвратилась въ залу, въ которой играли, и взяла Бароншу Ваксеръ съ собою прогуливаться. Скромное поведеніе усугубляло любовь мою. Я благословилъ мою судьбину, что влажила въ меня вкусъ къ особѣ, столь разумной и благопристойной. Пріѣхавъ въ Тюллери, я отъ времени до времени проговарилъ нѣсколько словъ моей любовницѣ такъ, что Баронша Баксеръ того не примѣтила. Она мнѣ ничего не отвѣчала; но ея глаза увѣряли меня, что мои старанія не были ей противны.

Съ самаго того дня я возобновлялъ мою къ ней привязанность, и рѣдкой проходилъ день послѣ обѣда, чтобъ я ее не видалъ у Графини Дрекуръ. Я всегда находилъ по нѣскольку минутъ увѣрять ее, что любовь моя безпрестанно возрастаетъ. Я не могу, говаривалъ ей иногда; остаться

ся долѣе въ теперешней моей безизвѣстности. Нечувствительность ваша приводитъ меня въ отчаяніе. Или оставьте меня умереть, или велите мнѣ ласкаться, что я вамъ не противенъ. Кто вамъ запрещаетъ надѣяться? Сказала она мнѣ въ одинъ день. Развѣ разговоры мои значали то, что вы не должны имѣть надежды? Время объясняетъ множество вѣщей. Оно подаетъ истинные знаки вѣрности любовника, оноже самое принуждаетъ здаваться и самыхъ нечувствительныхъ. Я не могъ ей на то отвѣтствовать. Баронша Ваксеръ подошла къ намъ, и звала насъ играть въ пикетъ. Дѣвица Сень-Шонъ хотѣла, чтобъ я игралъ съ нею противу Баронши и Кавалера Фаржи. Въ продолженіе игры я не столько думалъ о картахъ, какъ объ удовольствіи, что могу подъ симъ видомъ молвить тихонько нѣсколько словъ моей любовницѣ.

Она

Она продолжала поведенie свое со мною такимъ образомъ, что умножая мою надежду, не дѣлала однако мнѣ настоящаго увѣренiя. Какъ я преодолѣлъ переднiя трудности, и первой шагъ уже былъ здѣланъ; то былъ увѣренъ, что конечно не будетъ ей противно, естьли я къ ней отпишу. Я находилъ въ томъ лучшiй способъ изъяснить на свободѣ мои чувствованiя, и открыть не обинуясь; что готовъ дать ей мою руку, естьли она находитъ меня достойнымъ своей собственной. Какъ она выходила отъ Графини Дрекуръ, то помогая садиться въ карету, я вручилъ ей письмо. Вотъ новая пѣсня, сказалъ я ей, которую я получилъ сево дни. Я не знаю, какова она вамъ покажется. Въ самомъ дѣлѣ, я сложилъ свое письмо, какъ простую бумагу, въ которой нѣтъ ничего тайнаго, однако я думалъ, что дѣвица Сеньшонъ догодалась о моей хитрости.

Но какъ она внутренно была гораздо разборчивѣе, нежели я думалъ; то была довольна моимъ притворствомъ, и что избавилъ ее отъ излишней церемоніи. Отдавъ письмо, я пошелъ прочь, опасаясь, что естьли она увидитъ мою выдумку, отдастъ мнѣ письмо мое обратно. Не было нужды въ такихъ околичностяхъ. Она его спрятала, и конечнобъ пожалѣла мнѣ возвратить. Вотъ что я писалъ къ ней:

ПИСЬМО.

Вамъ покажется чрезвычайна предпріемлемая мною вольность. Безъ сомнѣнія осудите вы такую смѣлость, которую бы скромность ваша воздержать должна. Но естьли единую минуту помыслите о жестокости моей страсти; естьли хотя нѣсколько разсмотрите живость моихъ чувствованій: то конечно простите мнѣ такой поступокъ, къ которому меня сама любовь

бовь принудила. Посмотрите, прекрасная Сень-Шонъ! на состоянiе, въ какое вы меня приводите, Я васъ люблю. Мало сказать: что люблю, я васъ обожаю! и вы хотите, чтобъ я молчалъ. Вы убѣгаете всѣхъ случаевъ, гдѣ могу говорить съ вами безъ свидѣтелей. Вы лишаете меня утѣшенiя открыть вамъ всѣ успѣхи, какiе вы всякой день получаете въ моемъ сердцѣ. Для чего же не можетъ понравиться вамъ такое сердце, на которое вы свои наложили оковы. Участь моя была бы лучше, и я почелъ бы себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Я знаю, что не заслуживаю сiе щастiе: но наконецъ естьли наистрастнѣйшiя желанiя, естьли наинѣжнѣйшiя чувствованiи, естьли наиживѣйшая благодарность и совершеннѣйшее постоянство могутъ заслужить вашу руку: то думаю, что я столько же того достоинъ, какъ и другой. Естьли

бы

бы я любилъ особу не столь великодушную, я бы могъ предложить ей тритцать тысячь ливровъ доходу: но я знаю, что такая душа, какова ваша, презираетъ богатство, и они ея тронуть не могутъ. Итакъ осталось мнѣ одно только сердце принести вамъ въ жертву. Удостойте принять оное, скончайте нещастія, вами мнѣ причиняемыя. Я конечно не въ силахъ буду сносить оныя долѣе, и паду подъ ихъ бременемъ, естьли не увѣдомите меня единымъ словомъ руки вашей, какою надеждою я себя питать долженъ.

Сіе письмо произвело въ умѣ моей любовницы болѣе дѣйствія, нежели я чаялъ; а особливо окончаніе онаго казалось ей прелестнымъ. Она съ несказанною радостію видѣла, что довела меня до желаемаго ею пункта. Давно уже она дожидалась, чтобы я ей изъяснился откровенно: однако думала, что должно ей весьма осторожно

по-

жно поступить съ моимъ приношенiемъ; и какъ страсть моя уже была во всей своей силѣ, чтобы ни мало не опасаться моей перемѣны, она вознамѣрилась поступать со мною впредь съ меньшею разборчивостiю и то окончать прiятностiю, что начала жестокостiю. Она отвѣчала на мое письмо, и какъ я еще не зналъ, сдѣлаетъ ли мнѣ сiе утѣшенiе, то и почиталъ себя на верьху моего щастiя, какъ въ одинъ день подошедъ къ окну и наклонясь, будто бы посмотрѣть что ни есть на улицѣ, она меня подозвала къ себѣ, я дѣлаю, говорила она мнѣ, какъ я уже стоялъ подлѣ нее, такой поступокъ, къ какому вы меня приневоливаете. Дружба одерживаетъ надъ моимъ сердцемъ то, чего любовь прiобрѣств не могла. Ей-то вы одолжены отвѣтомъ, какой я на ваше письмо написать согласилась. Я сочла, что чувствованiя столь нѣжныя, какiя вы мнѣ

оказываете, заслуживают, чтобы я сдѣлала себѣ нѣкоторое принуждение: но не требуйте отъ меня въ другой разъ такого угождения. При сихъ словахъ отдала она мнѣ свое письмо, и въ тужъ минуту отошедъ отъ окна, возвратилась къ собранію, не давъ мнѣ времени засвидѣтельствовать ей сколь чувствительны были для меня ея милости. Нетерпѣливость видѣть ея отвѣтъ не позволила мнѣ долѣе пробыть у Графини Дрекуръ. Я отъ нее пошелъ, и не успѣлъ почти вытти на крыльцо, я открылъ ея письмо и вотъ что я въ немъ прочелъ.

ПИСЬМО.

Естьлибъ сердце мое могло здѣлаться чувствительнымъ; то нахожу, что труднобъ ему было противустоять чувствованіямъ, какія вы ко мнѣ оказываете. Толико клятвъ, толико увѣреній, кои кажутся искренни, рѣдко находятъ неблагодарную душу. Но

Но таково ваше нещастіе, что вмѣсто любви, я не могу ничего вамъ воздать кромѣ дружбы. Приносите жалобы ваши на небо, и кромѣ его никого не обвиняйте. Естьли оно не дало мнѣ нѣжнаго сердца, то виновна ли я въ томъ? И можете ли вы винить меня суровостію вашей доли? Я чувствую, что мое письмо заставитъ васъ стенать, и что вы обвините меня жестокостію и неблагодарностію. Я предвижу уже все ваши укоризны, и всѣ имена, какія вы мнѣ дадите. Чтобъ остановить ихъ стремленіе, и показать вамъ, что желалабъ я васъ здѣлать щастливымъ, естьлибъ только могла преодолѣть природное мое сложеніе; я васъ охотно увѣряю, что естьлибъ меня любовь когда ни есть покорила, то конечно не инымъ какимъ, какъ токмо вашимъ законамъ; и что ежелибъ я могла рѣшиться потерять мою свободу, то конечно никогдабъ не

имѣла нидругаго любовника, нидругаго супруга, какъ только васъ!

Я двадцать разъ сряду поцѣловалъ сіе письмо: я почиталъ себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Понеже я не имѣю опасаться никакого совмѣстника, говорилъ я самъ въ себѣ, то могу быть увѣренъ, что скоро получу сердце моей любовницы. Она почти сама меня въ томъ увѣрила; движенія радости, какія я ощущаю, служатъ мнѣ вѣрнымъ тому залогомъ. И чтобъ совсѣмъ побѣдить небольшія встрѣчающіяся мнѣ препятствія, надобно мнѣ только усугубить мои старанія и мою привязанность.

Съ самаго того дня, я почиталъ уже вольнѣе разговаривать съ дѣвицею Сень Шонъ; она съ своей стороны слушала меня гораздо съ меньшею нечувствительностію. Наконецъ она мнѣ призналась, что меня любитъ; и что шесть мѣсяцовъ постоянства и прилѣпленія, пе-

перемѣнили ея мнѣнія. По здѣланному мною теперь вамъ признанію, сказала она, отъ васъ зависитъ поступать такъ, чтобъ я никогда не имѣла причины въ томъ раскаиваться. Вы меня довольно знаете, чтобъ подумать обо мнѣ, что я соглашусь долго васъ слушать, какъ любовника. Естьли вы меня дѣйствительно любите, то отъ васъ зависитъ быть щастливымъ какъ супругу. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь, должно или соединиться вѣчно, или растаться навсегда. Моя добродѣтель, моя должность, предполагаютъ мнѣ сей законъ. Вамъ остало ь избрать. Можете ли вы подумать, отвѣчалъ я, чтобъ я усомнился единую минуту, поспѣшить совершеніемъ такого брака, который возвышаетъ меня на верьхъ щастія? Я господинъ самъ себѣ, и завишу отъ одного только себя. Вы знаете, что небо лишило меня моего ро-

 ди-

дителя. Говорите, назначите вы сами щастливую минуту, вЪ которую я буду вашимЪ супругомЪ. Я могу, также какЪ и вы, располагать моею рукою, отвѣтствовала дѣвица Сенъ-ЩонЪ. У меня одна только тетка, попеченію которой должна я моимЪ воспитаніемЪ. Ея согласіе для насЪ надобно. Я должна изпросить оное изЪ благодарности. Мы его конечно получимЪ. ИтакЪ, когда вы отдаете мнѣ на волю время нашего брака, употребите двѣ недѣли на ваши приуготовленія. Но чтобЪ избѣжать пустыхЪ переговоровЪ, постараемся сокрыть отЪ общества наше намѣреніе. Лучше будетЪ, естьли оно узнаетЪ о нашемЪ союзѣ вЪ самую ту минуту, когда оной заключенЪ будетЪ. Я буду слѣдовать, отвѣчалЪ я, во всемЪ вашему предпріятію; и вниманіе мое вамЪ повиноваться, будетЪ для васЪ новымЪ опытомЪ любви моей. Я очень доволенЪ, что вы не

не хотите дать знать обществу о нашемъ предпріятіи. Чрезъ то останемся мы сто разъ спокойнѣе, и его удивленіе будетъ новою для насъ радостію. Дѣвица Сень-Шонъ весьма была рада сама, что я столь совершенно съ нею соглашался. Она имѣла не оспоримыя причины поспѣшать исполненіемъ; и отъ сей поспѣшности зависѣла вся удача ея замужства.

Я уже тебѣ сказалъ, мой сынъ! продолжалъ Господинъ Момжанъ, что моя любовница, большую часть своихъ со мною предосторожностей употребляла отъ страха, чтобъ Баронъ Сень-Сиранъ, съ которымъ она имѣла столь сильныя обязательства, не догадался о нашей хитрости. Сія самая причина принуждала ее скрытно совершить бракъ нашъ. Безъ того, она разумѣла, что не возможнобъ ей было имѣть удачу. Баронъ имѣлъ столь совершенныя съ нею условія, что открывъ

 оныя

оныя свѣту, былъ увѣренъ объ отвращеніи всѣхъ своихъ сотребователей. Между тѣмъ я не зналъ что имѣю столь опаснаго совмѣстника; да и самъ онъ ни какъ не думалъ, чтобъ его вѣроломная любовница жертвовала имъ Богатству другаго любителя. Мы оба были игралищемъ коварной женщины, тѣлъ болѣе опасной, что подъ видомъ совершенной простоты, сокрывала она свои выдумки и свои обманы.

Наступало время заключенія нашего брака. Уже оставалось только пять дней. Я столь порядочно взялъ свои мѣры и столь много вошелъ въ намѣренія будущей моей супруги, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Къ нещастію моему я имѣлъ во всемъ великой успѣхъ, и конечно бы впалъ въ расставленныя мнѣ сѣти, естьли бы небо, сохраняющее меня для другихъ нещастій, не помогло мнѣ

избѣжать тѣхъ, какія пріуготовляла мнѣ дѣвица Сень-Шонъ.

За нѣсколько дней мой совмѣстникъ началъ примѣчать, что принимали его холоднѣе обыкновеннаго. Онъ хотѣлъ изъясниться о случаѣ такой перемѣны, спрашивалъ тому причины: ему сдѣлали столь дурное извиненіе, и онъ усмотрѣлъ столько нечувствительности въ способѣ оправданія, что уже болѣе не сомнѣвался о сдѣланной ему измѣнѣ; чтобы тѣмъ основательнѣе узнать о своемъ нещастіи, онъ разсудилъ притвориться и со вниманіемъ изведать, какая бы могла быть тому причина. Употребя чрезъ цѣлыя сутки тщетно всѣ свои къ тому старанія, и отчаявшись узнать, подлинно ли имѣлъ совмѣстника, нашелъ все то нечаянным образомъ со всѣми очевидными доказательствами.

Я всякой день писалъ къ дѣвицѣ Сень-Шонъ, или увѣдомляя ее

о моихъ распоряженіяхъ или клѣняся ей о вѣчной моей страсти. Какъ я видалъ ее только у Графини Дрекуръ и рѣдко къ ней самой въ домъ хаживалъ, чтобы тѣмъ избѣжать всѣхъ возможныхъ подозрѣній, то и принужденъ былъ прибѣгнуть къ такому средству. Я посылалъ къ ней мои письма нарочно съ незнакомымъ человѣкомъ. За три дни до назначеннаго къ свадьбѣ нашей времени, Баронъ Сень Сиранъ былъ у своей любовницы и не засталъ ее дома; какъ человѣкъ, которой обыкновенно носилъ мои письма, отдалъ при немъ одной горнишной дѣвушкѣ дѣвицы Сень-Шонъ съ тѣмъ, чтобы вручила своей госпожѣ, когда она домой возвратится. Сень Сираны спустя моего посланнаго, и оставшись одинъ съ тою женщиною умѣлъ поступить съ нею столь искусно и обѣщался хранить столь свято сію тайну, прибавя къ тому 6 люйдоровъ, что выманилъ у нее письмо,

мо, распечаталъ, и прочелъ въ немъ слѣдующее:

ЦЫДУЛКА.

Я не знаю, какъ дождаться завтрешняго дня. Я умираю отъ любви и отъ нетерпѣливости. Каждая минута кажется мнѣ годомъ, и естьли не утѣшите вы меня письмомъ вашимъ, то чувствую, что не въ силахъ буду преодолѣть мое стремленіе итти къ вамъ и доказать у ногъ вашихъ наистрастнѣйшаго изъ любовниковъ. Къ чему столько предосторожностей, когда я долженъ чрезъ два дни быть вашимъ супругомъ? Не надлежало ли вамъ позволить мнѣ притти къ вамъ сказать изустно, что я не престану обожать васъ по гробъ мой, и что бракъ умножитъ во мнѣ пламень любовной.

Разсуди, мой сынъ, говорилъ господинъ Момжанъ, сколь велико было удивленіе Барона Сенъ-Сиранъ, по прочтеніи сего письма? онъ

онъ оцепенѣлъ и на нѣсколько минутъ лишился всѣхъ чувствъ. Наконецъ пришелъ въ себя и отчаяніе его внушило ему чрезвычайное средство. Онъ вздумалъ себя погубить и сдѣлавшись совершенно нещастнымъ имѣть удовольствіе присоединить къ своимъ злополучіямъ вѣроломную свою любовницу. Онъ имѣлъ съ нею такія обязательства, которыя принудить ее исполнить, состояло въ его волѣ. Онъ притворился, и чтобы болѣе сокрыть свои намѣренія, показывалъ себя такъ, что нимало не знаетъ про наше съ нею знакомство. Я пришелъ, говорилъ онъ ей по возвращеніи ее домой, просить васъ о исполненіи взаимныхъ нашихъ клятвъ. Любовь моя не можетъ болѣе сносить, не обладая вами совершенно. Сколь нищастливой я любовникъ, но я въ непрестанномъ смятеніи. Всякая бездѣлица меня ужасаетъ, и приводитъ въ удивленіе, и мое сердце

не будетъ спокойно, доколѣ союзъ брачной не увѣритъ меня о вѣчномъ обладанiи сокровищъ, любовью мнѣ доставленныхъ.

Столь не предвиденной разговоръ былъ громовымъ ударомъ для дѣвицы Сень-Шонъ. Смятенiе ея было тѣмъ болѣе, что видѣла изъ глазъ Сень-Сирана, что онъ не ожидаетъ отказа, и требуетъ воспользоваться конечно настоящими своими правами. Въ крайности, въ какую была приведена, притворство оставалось послѣднимъ ей средствомъ. Она увѣряла, что конечно не умедлитъ сдѣлать его щастливымъ, и что сама столько въ томъ учавствуетъ, что ничего ему опасаться ея перемѣны. Развѣ вы не имѣете, говорила ему, залоговъ, которые могутъ васъ увѣрить о полученiи руки моей? Когда уже я отдала вамъ мое сердце, то чево вамъ еще бояться. Не уже ли вы думаете, что я захочу жертвовать вами подлой корысти?

рысти? и можете ли вы заключить, что послѣ слабостей, какимъ я для васъ предавалась, могу нарушить данное вамъ слово.

Всѣ безполезныя удостовѣренія дѣвицы Сень-Шонъ, не имѣли никакого дѣйствія въ умѣ Сень-Сирана. Мое письмо открыло ему подлинную ихъ цѣну. Онъ былъ непоколебимъ и неотступно просилъ, чтобы чрезъ одни сутки вышла конечно за него замужъ. Думайте что хотите, говорилъ онъ ей, но я вамъ клянусь, сударыня, что естьли вы отсрочите, то принудите меня сдѣлать такое разглашеніе, которое насъ погубитъ обоихъ, и я легко найду способъ возпрепятствовать, чтобы никто изъ совмѣстниковъ, какого бы вы мнѣ ни избрали, не осмѣлился воспользоваться даннымъ ему отъ васъ преимуществомъ.

Сіи послѣднія слова совершенно поразили дѣвицу Сень-Шонъ: она выразумѣла всю ихъ силу, и по-

подозрѣвая, что Сенъ-Сиранъ нѣсколько уже провѣдалъ о нашей хитрости, тотчасъ взяла намѣреніе освободить себя собственною его погибелью отъ печали, какую онъ ей готовилъ, чтобы тѣмъ лучше отмстить, должно было притвориться, и чтобы нанести ударъ наивѣрнѣйшей, она притворно согласилась на всѣ его желанія. Понеже вы непремѣнно требуете, говорила она ему, чтобы свадьба наша была завтре, я на то согласна. Я соединена съ вами столь крѣпкими узами, что не нарушу мое слово: но вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что моя тетка ничего не знаетъ о моемъ замужствѣ, итакъ по крайней мѣрѣ я должна прежде ей дать о томъ знать. Приходите сево дни въ восемъ часовъ вечера въ Тюллериской садъ. Я отъ нее туда пріѣду и завтре поутру не отъ меня уже будетъ зависѣть, чтобы вы не получили то, что требуете.

Сенъ-

Сень - Сиранъ столь довольно зная вѣроломство своей любовницы, не совсѣмъ повѣрилъ ея обѣщанію. Между тѣмъ будучи не въ состояніи отказать въ ея требовании, вознамѣрился дойти до всякой крайности, и ее обезславить конечно, буде не исполнитъ даннаго слова; пошелъ отъ дѣвицы Сень-Шонъ съ сердцемъ, исполненнымъ любви, отчаянія, досады, и мщенія, и возвратился домой. погруженной въ ужасиую горесть. Тамъ онъ дожидался того часа, когда долженъ будетъ итти обратно принять увѣреніе ея обѣта. Какая моя судьбина? Говорилъ онъ, и къ чему я приступаю? свирѣпство и удовольствіе. За себя отмстить, сокрываютъ отъ меня нещастія, въ какое я пускаюсь. Не лучшели забыть невѣрную, нежели присоединить ее навсегда къ моей участи? Забвеніе и призрѣніе, отомстятъ за меня столько, сколько печаль, какую она

воз-

возчувствуетъ о утратѣ своего любовника. Но нѣтъ, продолжалъ онъ, пускай она учавствуетъ въ нещастной моей судьбинѣ, и раздѣляетъ со мною всѣ бѣды, какія она меня терпѣть заставляетъ. Когда она соединится со мною, я открою ей, что мнѣ извѣстно ея коварство, и я буду оказывать все презрѣніе, какое только заслуживаетъ она своимъ поступкомъ. Я буду имѣть удовольствіе видѣть ее столь же нещастливу, какъ и я, и въ какую бы бездну себя ни ввергнулъ, я не могу снести единаго воображенія, что мой совмѣстникъ можетъ у меня ее похитить. Измѣнница будетъ смѣяться моему отчаянію; а я предамся свирѣпству безполезнаго бѣшенства.

Когда Сень-Сиранъ стеналъ о своемъ нещастіи, дѣвица Сень-Шонъ помышляла окончать свое собственное. Она разсудила, что въ обстоятельствѣ столь тѣсномъ, въ какомъ находилась тогда, дол-

жно прибѣгнуть къ скорѣйшимъ и рѣшительнѣйшимъ средствамъ, и вотъ письмо, какое она ко мнѣ писала, оно вамъ совершенно покажетъ ея свойство.

ПИСЬМО.

Естьли вы меня дѣйствительно любите, приходите ко мнѣ въ сію самую минуту. Безполезно наблюдать долѣе пустыя предосторожности. Про нашу тайну знаютъ и хотятъ разрушить наше щастіе: однако, чтобы ни сдѣлали, но ни кто не принудитъ меня перемѣнить мое намѣреніе. Я не страшусь ни бѣдъ, ни злословій, какими мнѣ угрожаютъ. Я васъ очень знаю, и потому не могу думать объ васъ, что вы когда либо повѣрите оклеветанію, какое одинъ нещастной завидуя вашему благополучію, въ состояніи выдумать на мой щетъ. Я не могу о томъ писать вамъ болѣе. Приходите ко мнѣ, я раскажу вамъ обо всемъ, что произходитъ.

Суди

Суди сколь велико было мое удивленіе по прочтеніи сего письма. Я полетелъ къ вѣроломной моей любовницѣ. Я нашелъ ее погруженную въ смертельную печаль. Непріятель, говорила она мнѣ, тѣмъ болѣе опасной, чѣмъ сильнѣе любовь и ревность въ немъ содѣйствуютъ, хочетъ возмутить наше щастіе. Онъ проникнулъ тайну, какую мы съ толикимъ стараніемъ скрывали, и не въ силахъ будучи снести воображенія видѣть щастіе своего совмѣстника, самъ пришелъ ко мнѣ сказать о ужасныхъ предпріятіяхъ, какія онъ исполнить хвалится, естьли я соединюсь съ вами вѣчно.

Сей разговоръ воспалилъ меня гнѣвомъ. Кто такой есть тотъ нещастной, вскричалъ я, котораго мнѣ должно принести на жертву моему отмщенію? Назовите мнѣ его, и я смѣю васъ увѣрить, что заставлю тотчасъ раскаеваться въ гнусномъ его намѣреніи. Успокой-

тесь, сказала мнѣ дѣвица Сенъ-Шонъ, и выслушайте прежде отъ меня обстоятельно о всѣхъ препятствіяхъ, какія случились предъ нашей свадьбой. Вамъ знакомъ Баронъ Сенъ-Сиранъ. Я давно примѣчала, что смотрѣлъ онъ на меня такими глазами, гдѣ любовь нѣсколько участвовала. Совсѣмъ тѣмъ я хотѣла лучше ничего не знать о такихъ чувствованіяхъ, которыя мнѣ не нравились, и всегда притворялась, что нимало не замѣчаю его поведенія. Нечувствительность моя привела его въ отчаяніе. Онъ отважился открыть мнѣ самымъ дѣломъ страсть свою. Видъ, съ какимъ, я ему отвѣчала, и презрѣніе, съ какимъ съ нимъ поступила, открыли ему ясно, чтобы онъ никогда не имѣлъ въ томъ надежды. Онъ заключилъ, что причиною столь гордаго съ моей стороны поступка, долженъ быть конечно какой ни есть сокрытой солюбовникъ. Примѣчалъ сколько

могъ

могъ всѣ мои поступки, и никогда не могъ взять подозрѣнія на васъ. Наконецъ узналъ ли онъ нынѣ то, чего не могъ провѣдать по сіе время или нѣтъ, только приходилъ ко мнѣ сего дни за два или за три часа до васъ. Я знаю, говорилъ онъ мнѣ, что вы презираете мою страсть для того, чтобы отдаться щастливѣйшему, нежели я совмѣстнику: но я умѣю возпрепятствовать ему пользоваться моимъ нещастіемъ, и воздамъ вамъ всѣ злополучія, какія вы мнѣ причиняете. И понеже вы меня приводите въ отчаяніе, то я все на свѣтѣ предпринять готовъ. Должно вамъ рѣшиться или отдать мнѣ вѣчно вашу руку, или по всюду слышать, что вы дошли со мною до самой послѣдней слабости. Я нашелъ способъ сдѣлать вѣроятною сію ложь. Я имѣю письма, столь сходно подписанныя подъ вашу руку, что всякой повѣритъ моей выдумкѣ: тогда показалъ онъ

мнѣ цѣлой оныхъ пакетъ, изъ кокоторыхъ многія подлинно что сходны вовсемъ съ моею рукою. Должно признаться, что выслушавъ намѣреніе Сень-Сирана, я вострепетала. Скажу вамъ еще, что я было дошла до малодушія и поколебалась; а стыдъ видѣть себя подверженную столь ядовитой клеветѣ, едва не принудилъ меня сдѣлаться вамъ невѣрною. Но потомъ любовь одержала верьхъ; горячность моя была мнѣ вѣрнымъ залогомъ вашей собственности, и я думала, что когда я могла отдать вамъ мое сердце, то конечно извѣдали вы его прежде нежели получили. Посмотрите теперь, что мнѣ должно дѣлать, и подайте мнѣ такой совѣтъ, которой вы почтете наиполезнѣйшимъ.

Я былъ молодъ, продолжалъ господинъ Можанъ, не имѣлъ опыту и былъ влюбленъ до крайности. Мнѣ ничего такого не входило въ мысль, чтобы хотя нѣсколь-

сколько догадаться о невѣрности моей любовницы. Я совсѣмъ попался въ раставленную отъ нее мнѣ сѣть: но что болѣе увѣрило меня въ ея словахъ, то было извѣстіе о перехваченномъ моемъ письмѣ. Имѣя голову занятую другими дѣлами, я напомянулъ ей объ ономъ нечаянно. Про какое говорите вы письмо, спросила она меня? Я сего дни по утру рано поѣхала со двора и по моемъ сюда возвращеніи, кромѣ Сень-Сирана, ни одного человѣка здѣсь не видала. Я удивился всему слышанному отъ дѣвицы Сень Шонъ. Какъ, говорилъ я, ваша дѣвица не вручила вамъ отданнаго ей письма? Я не видала никакого, отвѣчала она мнѣ, конечно не смѣла она мнѣ его подать при Сень-Сиранѣ, котораго я здѣсь нашла. Тогда позвала она свою служанку и требовала отъ нее врученное къ ней письмо. Она отвѣчала, что его не принимала. Но какъ человѣкъ,

которой мое приносилЪ письмо, случился тогда со мною, то я изобличилЪ ее вЪ запирательствѢ. ЗамѢшательство, сЪ какимЪ она старалась оправдаться, увѢрило насЪ, что она была виновата. Сень-ШонЪ грозила ей строгимЪ наказаніемЪ, естьли не признается вЪ томЪ, что сдѢлала сЪ поданною ей бумагою, напротивЪ того обѢщалась во всемЪ простить, буде повинится изЪ доброй воли. По многомЪ упрямствѢ и стараніи вывѢдать изЪ нее сію тайну, она призналась, что отдала мое письмо Сень-Сирану, который будучи притомЪ, какЪ его принесли, имѢлЪ любопытство прочитать.

Сіе признаніе объяснило наконецЪ все приключеніе, и открыло намЪ, какимЪ образомЪ совмѢстникЪ мой провѢдалЪ о всемЪ произшедшемЪ. Дурное намѢреніе, сЪ какимЪ онЪ перехватилЪ мое письмо, увѢрило меня совершенно, что онЪ довольно былЪ подлЪ, чтобы

под-

подписаться подъ чужую руку, въ тѣхъ письмахъ, о какихъ жаловалась мнѣ моя любовница, и притворство, съ какимъ онъ оказывалъ свое названіе о моемъ совмѣстничествѣ, казалось мнѣ новымъ доказательствомъ его бездѣльничества. Я думалъ, что онъ хотѣлъ тѣмъ самымъ придать болѣе вѣроятности и безкорыстія своему злословію. Мнѣ принадлежитъ, сказалъ я моей любовницѣ, отмстить за васъ сему бездѣльнику, и вы недолго будете опасаться вредной его совѣсти. Боже мой! отвѣчала она, вотъ каковы всѣ вы мущины. Вы тотчасъ прибѣгаете къ опаснѣйшимъ средствамъ. Не могли ли бы вы избрать другой способъ, не доводя сіе дѣло до крайности? Когда вы теперь знаете, что Сень-Сиранъ почитаетъ васъ своимъ совмѣстникомъ, то желала бы я, чтобы вы съ нимъ объяснились прежде, нежели дойдете оба до такого стремленія,

которое вас может обезславить.

Хотя девица Сень-Шон и говорила мне таким образом; однакож весьмаб сожалеть стала, когдаб поверил я ея совету. Разговор с моим совместником мог открыть мне глаза, и он бы сыскал много опытов настоящаго своего права, и тем самым вывел меня конечно из заблужденія. Итак, для того и советовала мне поступать мирным образом, что уже довольно была уверена, что я ни под каким видом не соглашусь с ея мненіем. В самом деле, когда уже все обстоятельство довело до такого пункта, а я узнал, что письмо мое было перехвачено, то и не оставалось мне другаго способа поступать с моим совместником, как только насильствуемою рукою. Вот то самое чего желала моя любовница! Она ни мало не сожалела о моей по-

погибели, а смотрѣла на одно свое мщеніе. Узнавъ подлинно, что я непремѣнно намѣрился итти съ Сень-Сираномъ на поединокъ, возобновила прежнія свои прозьбы, будтобъ хотѣла воспрепятствовать мнѣ въ моемъ намѣреніи. Но во всѣхъ своихъ разговорахъ не чувствительно вмѣшивала такія слова, которыя меня отчасу болѣе возбуждали. Наконецъ, когда все удалось по ея желанію: то дала мнѣ знать, что Сень-Сиранъ въ восемь часовъ вечера будетъ въ Тюллери. Мнѣ надобно еще съ нимъ поговорить. Сказала она, итакъ прежде, нежели вы что ниесть начнете, дайте мнѣ посмотрѣть, не могу ли я еще что отъ него истребовать? Я вамъ запрещаю приходить туда прежде, нежели вы меня здѣсь обратно увидите.

Я обѣщалъ моей любовницѣ все, чего она желала, будучи въ твердомъ намѣреніи не сдержать дан-

данное ей слово; о чемъ и она ни мало не сомнѣвалась. Потомъ я ее оставилъ, и поѣхалъ въ Тюллери дождаться Сень-Сирана. Я почти два часа прогуливался въ семъ саду, и искалъ повсюду моего совмѣстника. Наконецъ я его увидѣлъ въ концѣ большой аллеи, примыкающейся къ подьемному мосту. Я съ нимъ сошелся; и подошедъ къ нему съ угрюмымъ лицемъ, я хочу, говорилъ я, показать вамъ, что гораздо труднѣе сохранить, нежели перехватывать чужія письма. Будьте чрезъ часъ въ концѣ сего саду. Тамъ мы можемъ на свободѣ избирать любое. Очень охотно; повторилъ Сень-Сиранъ; и я вамъ много обязанъ, что предупреждаете меня въ такой вещи, о которой я самъ предложить вамъ спѣшилъ. Я ничего не отвѣчалъ моему совмѣстнику. Я его оставилъ, и вышелъ изъ Тюллери чрезъ ворота къ Королевскому мосту,

сту, гдѣ дожидалась меня моя карета. Я пришелъ на мѣсто сраженія. Чрезъ нѣсколько времени, пришелъ туда и Сень-Сиранъ. Уже было темно, и мы не опасались, чтобъ насъ кто увидѣлъ. Мы вынули шпаги на двѣсти шаговъ отъ нашихъ екипажей, которые мы нарочно оставили въ такомъ мѣстѣ, откудабъ слуги наши не могли видѣть сраженія. Я тотчасъ ранилъ Сень-Сирана очень легко къ лядвѣю: преимущество меня ободряло, и я нападалъ на него съ пущимъ стремленіемъ; какъ вдругъ выбѣжали къ намъ два человѣка, и насъ разняли. То были; Графъ Де-Морюй, и Кавалеръ Ваксеръ. Они шли изъ трактира, и желая воспользоваться пріятностію воздуха, отослали свои кареты, чтобъ дожидались ихъ у вѣезда въ Парижъ. Они крайне удивились нашему побоищу. Какъ Графъ Де-Мерюй былъ другъ и мнѣ и Сень Сирану, то

то непремѣнно хотѣлъ знать о причинѣ нашей ссоры. Я долго упрямялся. Но потомъ, не желая сокрыть поступокъ моего совмѣстника, я жаловался, что онъ перехватилъ мое письмо. Онъ признался, что его удержалъ, но въ самое то время сказавъ подлинную тому причину, чрезвычайно досадовалъ на невѣрность дѣвицы Сень-Шонъ; онъ увѣрялъ, что уже больше года имѣлъ съ нею наитѣснѣйшій союзъ; и что она сдѣлала неслыханное вѣроломство. Я съ жаромъ противорѣчилъ сей истиннѣ. Напротивъ того мой совмѣстникъ стоялъ твердо въ своемъ словѣ, и мы было опять разгорячились по прежнему, какъ Графъ Де-Мерюй, удивлялся всему слышанному, просилъ насъ обоихъ удержать на нѣсколько времени нашу распрю. Я вижу, говорилъ онъ, что небо не хотя погубить двухъ честныхъ людей, къ щастію послало меня сюды,

для окончанія вашей ненависти, и воспрепятствовать ей имѣть опаснѣйшія слѣдствія. Я обѣщаюсь по чести, открыть вамъ такія вещи, которыя сдѣлаютъ васъ взаимно друзьями, открыть вамъ глаза, и показать все ослѣпленіе, въ какомъ вы теперь находитесь. Поѣдемъ всѣ четверо ко мнѣ, и вы увидите, съ какою точностію сдержу я свое слово.

Рана Сень-Сирана была совсѣмъ неопасна, и онъ безъ труда дошелъ до того мѣста, гдѣ оставили мы свои екипажи. Мы всѣ сѣли въ мою карету и поѣхали къ Графу де Мерюй. Пріѣхавъ къ нему, первое наше стараніе было послать за лѣкаремъ, чтобы отворилъ ему кровь. Какъ сіе было сдѣлано, и мы нѣсколько успокоились: я хочу, говорилъ намъ Графъ де Мерюй исполнить данное вамъ слово; но вы должны прежде не досадуя другъ на друга, обстоятельно увѣдомить меня,

ка-

какія каждой изъ васъ имѣетъ требованія о дѣвицѣ Сень-Шонъ; ибо я вамъ повторяю еще, что вы оба имѣете къ тому причину. Тогда Сень-Сиранъ началъ говорить: онъ сказывалъ, что почти цѣлой годъ былъ весьма благосклонно принимаемъ отъ дѣвицы Сень-Шонъ, и показалъ много писемъ, которыя оправдали все имъ сказанное. Онъ сдѣлалъ больше, онъ прибавилъ съ ними еще свадебной договоръ, которой она ему отдала на обмѣнъ таковомужъ и съ его стороны. Описавъ всѣ подробности замысловъ, какія имѣлъ съ нею, и расказывалъ вещи, которыя казались мнѣ столь обстоятельны, что не взирая на все мое ложное мнѣніе, я начиналъ видѣть ясно свою ошибку.

Когда совмѣстникъ мой пересталъ говорить, тогда я расказалъ по порядку все, что происходило у меня съ дѣвицею Сень-Шонъ. Я не забылъ показать и

ту

ту цыдулку, которую писала она ко мнѣ по случаю Сень Сирана. Я далъ вѣрной отчетъ о разсужденіяхъ, какія мы имѣли съ нею о мнимыхъ ложныхъ письмахъ, коими она его обвинить старалась. Какъ! вскричалъ онъ, не ужели позволено ей простирать свою дерзость до такой подлой лжи? Я вамъ вручаю, продолжалъ онъ, всѣ ея письма. Свѣрьте ихъ съ вашими, и покажите кому угодно. Я соглашусь потерять честь мою, естьли они не тѣ самыя, которыя она писала, и естьли прибавлено къ нимъ хотя единое слово?

Графъ де Мерюй увидѣвъ, что я еще не совсѣмъ убѣжденъ: я могу доказать, говорилъ онъ, истинну словъ Господина Сень-Сирана. Конечно не возмутъ на меня подозрѣнія, что я подделалъ письма дѣвицы Сень-Шонъ, въ намѣреніи ему воспрепятствовать. Я имѣю ихъ до тритцати въ моемъ ларчикѣ. Уже тому года два, какъ

 она

она ихъ ко мнѣ писала. Мы можемъ ихъ сличить съ тѣми, о которыхъ теперь рѣчь.

Столь мало ожидаемой разговоръ, привелъ Сень-Сирана и меня въ странное удивленіе. Мы посматривали другъ на друга, не говоря ни слова. Напослѣдокъ приключеніе наше показалось намъ столь смѣшнымъ, что мы не могли удержаться, чтобы не захохотать изо всей силы. Я хочу показать вамъ, сказалъ намъ Графъ истинну словъ моихъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ отперъ ларчикъ, и вынулъ дватцать писемъ, писанныхъ рукою дѣвицы Сень-Шонъ. Посмотрите ихъ, продолжалъ онъ, и естьли вамъ угодно, то я самъ стану ихъ читать. Нѣтъ, ето принадлежитъ мнѣ, примолвилъ Ковалеръ Ваксеръ. Я только одинъ въ семъ дѣлѣ не участвую; а слѣдовательно и производство дѣла должно поручить мнѣ. Тогда взялъ онъ перьвое письмо, которое попа-

лось

лось ему въ руки. Оно было написано такимъ образомъ:

ПИСЬМО.

Всегда ли будите вы несправедливы, любезный Графъ! и безпрестанно ли хотите меня обвинять непостоянствомъ тогда, когда бы мнѣ самой надлежало сдѣлать вамъ такую укоризну? Вчерась ввечеру вы были въ такомъ смущенiи, вы были столько встревожены, что не трудно мнѣ было усмотрѣть, что сердце ваше стремилось за отсутствующимъ предметомъ. Сказать ли вамъ безъ притворства? Нѣсколько тому дней, я ревную, и ревную до крайности. Я не знаю точно къ кому, но я не менѣе тѣмъ терзаюсь! естьли вы меня еще любите; естьли есть въ васъ хотя нѣсколько ко мнѣ жалости, придите меня увѣрить, придите клясться мнѣ о вѣчномъ пламени. Въ моихъ объятiяхъ должно учинить требуе-

мую мною присягу. Любовь сдѣлаетъ оную тѣмъ почтительнѣе и можетъ быть, что менѣе отважитесь ее нарушить.

По прочтенiи сего письма, я понялъ всю опасность, въ которую стремился, и я потерялъ, какъ вы и сами видите, то высокое мнѣнiе, какое имѣлъ о цѣломудрiи моей любовницы. Что касалось до Сень Сирана, онъ зналъ какъ поступать должно. Онъ столько же былъ щастливъ, какъ и Графъ де Мерюй, и для того не отставалъ отъ любовныхъ шалостей. Я былъ одинъ изъ любителей дѣвицы Сень-Шонъ, котораго она довела до тѣсныхъ границъ чистой любви. Страхъ о моемъ отвращенiи и опытъ, научившей ее, сколько любовники совершенно щастливыя, рѣдко бываютъ постоянны, принудили ее перемѣнить въ разсужденiи меня обыкновенное свое поведенiе. Возможно ли, вскричалъ я, столь далеко простирать ложъ

и

и притворство? Признаюсь къ стыду моему, что надлежало дѣйствительно видѣть то, что я видѣлъ, дабы извлечь меня изъ моего предубѣжденія.

Я менѣе вашего удивляюсь, говорилъ Сень-Сиранъ, но мнѣ досадно, и хотя я и сомнѣвался о вѣроломствѣ и кокетствѣ дѣвицы Сень-Шонъ; однако я никогда не думалъ, чтобы она могла вдругъ имѣть три розныя хитрости. Изрядно, отвѣчалъ Графъ де Мерюй, я ее только второй любовникъ, и понеже вы теперь всѣ въ томъ согласны, то я намѣренъ для окончательнаго утвержденія нашего союза, расказать вамъ нѣкоторую часть ея приключеній.

Исторія ГРАФА де МЕРЮЙ и ДѢВИЦЫ СЕНЬ-ШОНЪ.

Я зналъ дѣвицу Сень-Шонъ, когда она еще была ребенкомъ. Она жила на пансіонѣ въ одномъ монастырѣ, гдѣ сестра моя была монахиней. Я часто видалъ ее у рѣшетки. Она была жива и имѣла тотъ искренній и откровенной видъ, которой въ ней столько обманчивъ. Способной случай всегда говорить съ нею, заставилъ меня въ нее влюбиться. Какъ я никогда не былъ застѣнчивъ съ женщинами, то я не замедлилъ открыть ей все, что думалъ. Казалось, что она тѣмъ нимало не огорчилась, и хотя тогда была не старѣе семнатцати или осмнатцати лѣтъ, однакожъ видъ, съ какимъ приняла мое открытіе, не показывалъ ея новости. Между тѣмъ, хотя

и видалъ ее всякой день, но не подавала она мнѣ много надежды, и я пробылъ почти цѣлой годъ безъ дальныхъ успѣховъ. Я приписывалъ мое нещастіе нечувствительному ея сложенію. Но потомъ въ слѣдствіи начиналъ примѣчать, что причиною всему тому было старание, какое имѣлъ о ней Ковалеръ Праленъ. Онъ видалъ ее также какъ и я подъ предлогомъ одной своей родственницы, которая въ томъ же монастырѣ была. Онъ пріятенъ и пригожъ, онъ овладѣлъ ея сердцемъ, и до тѣхъ, поръ, сколь влюбленъ я ни былъ, я никакъ того не примѣтилъ. Между тѣмъ мое и его щастіе совсѣмъ перемѣнилось, и смерть одного изъ моихъ дядей, которой оставилъ мнѣ весьма знатное имѣніе, внушило дѣвицѣ Сень-Шонъ совсѣмъ другія мнѣнія. Я сдѣлался моимъ состояніемъ гораздо превосходнѣе Ковалера Пралена, и какъ она всегда стремилась сы-

скать себѣ выгодную партію, хотя была и нещаслива въ своихъ предпріятіяхъ, тогда начала меня слушать благосклоннѣе прежняго. Я не зналъ внутренности ея сердца, и потому приписывалъ моему постоянству новыя ея ко мнѣ чувствованія

Я не буду васъ болѣе забавлять скучнымъ обстоятельствомъ, и скажу, что я свергнулъ совсѣмъ Ковалера Пралена. Какъ я думалъ, что имѣю нѣкоторую причину къ нему ревновать, то и просилъ о его изгнаніи, и тотчасъ удаленіе его было мнѣ доставлено. Бѣдной мальчикъ получилъ свою отставку во всей формѣ, ему не хотѣли сказать причины для чего, нижѐ войти въ какую либо подробность о томъ, чѣмъ навлекъ на себя столь свирѣпую участь? надлежало терпѣть. Онъ ретировался и оставилъ меня побѣдителемъ на мѣстѣ сраженія. Жертва, какую сдѣлала мнѣ дѣвица Сенъ-Шонъ, умно-

умножила любовь мою. Я ей клялся страстною и постоянною любовью; а она уверила меня о взаимномъ пламени. Я думаю, что тогда она меня дѣйствительно любила, и говорила то, что думала. Но къ ея и къ моему нещастію, горячность ея ко мнѣ изчезла чрезъ нѣсколько времени, о чемъ вы отъ меня скоро услышите.

Удаленіе Ковалера Праленъ оставило меня во всей свободѣ. Я болѣе не безпокоился, когда видалъ мою любовницу у рѣшетки, и я избиралъ для свиданія съ нею всегда такое время, когда ни кого постороннихъ тамъ не было. Она иногда позволяла мнѣ сквозь отверстіе рѣшетки цѣловать ея руки. И я усматривалъ изъ всѣхъ ея поступокъ, что ежелибъ мы были съ нею еще свободнѣе, то конечно смотря по обстоятельствамъ, могъ быть я еще щастливѣе! Препятствія и трудности раздражали мои желанія, и я всякой

кой день сто разъ проклиналъ изобрѣтеніе рѣшетокъ и всѣ монастырскія постановленія. Любовь сжалилась надъ моимъ мученіемъ. Тетка дѣвицы Сень-Шонъ, у которой она, по смерти отца своего и матери, была на воспитаніи, чтобъ показать ей свѣтъ, взяла ее изъ монастыря.

Сіе извѣстіе произвело во мнѣ безмѣрную радость. Итакъ я могу, говорилъ я ей, увѣрять васъ всякой день, что я васъ обожаю! я могу проводить целые дни въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ вы будите! я почитаю себя весьма щастливымъ, и моя участь былабъ совершенна, естьлибъ нѣкоторой страхъ не нарушалъ сего блаженства. А какой бы то былъ страхъ? примолвила она; я постараюсь, когдя возможно, васъ успокоить, и разогнать опасность, возмущающую ваше блаженство. Вы будите жить въ открытомъ свѣтѣ, отвѣчалъ я

и

и вы столько прелестны, чтобъ имѣть въ немъ множество обожателей. Хотите ли вы чтобъ я былъ спокоенъ? подите отъ меня, вы глупы, примолвила она: Естьли въ другой разъ такъ мнѣ скажете, то я вамъ ни какъ не прощу. Вамъ должно меня знать, и дѣлать болѣе мнѣ справедливости. имѣла ли я по сіе время такое поведеніе, которое могло произвесть въ васъ подобныя подозрѣнія? Къ симъ словамъ прибавила она нѣжной взглядъ, и подала мнѣ томнымъ образомъ свою руку, я прижалъ ее къ устамъ моимъ, я любовь моя сдѣлалась страстнѣе прежняго.

Сколь скоро любовница моя вышла изъ монастыря, первое мое стараніе было узнать о собраніяхъ, къ которыхъ я могъ ее видѣть. Она часто пріѣзжала къ Баронщѣ Дрéкуръ, что продолжаетъ и по сіе время. Я всегда былъ тамъ, и почти никогда не хо-

ходилъ ни въ какое другое общество. Я былъ столь страстенъ что не пропустилъ единую минуту, гдѣ могъ быть вмѣстѣ съ дѣвицею Сень-Шонъ. Такая привязанность была ей чувствительна. Она сдѣлала мнѣ благосклонность, и позволяла мнѣ иногда видать себя въ ея домѣ, и преодолѣвъ всѣ затрудненіи, сколько она мнѣ ихъ ни представляла, мы уговорились, чтобъ помощію горнишной ея дѣвки, я приходилъ всякую ночь видѣться съ нею въ ихъ саду, и что она прикажетъ отпирать мнѣ въ него ворота.

Двѣ недѣли продолжались наши свиданія, и не случалось ничего чрезвычайнаго. Сколько я ни клялся ей о вѣчной моей любви, сколько ни убѣждалъ чтобъ почитала меня за такого человѣка, которой только и помышляетъ о единомъ благополучіи быть ея супругомъ; всѣ мои увѣренія были безполезны. Напослѣдокъ, въ одинъ день допу-

пустила меня возпользоваться тѣмъ, чего я искалъ съ толикою страстью; но не прежде, какъ по истребованіи отъ меня свадебнаго договора, написануаго и подписаннаго собственною моею рукою. Я былъ влюбленъ толь много, что не отказался ее увѣрить о такой вещи, о утвержденіи которой мы оба давно старались. Я вручилъ ей свадебной договоръ, и возпользовался настоящимъ щастіемъ.

Я вижу, продолжалъ Графъ Де-Мерюй, взглянулъ на Сень-Сирана и на меня, что сей случай васъ оскорбляетъ обоихъ! но онъ тѣмъ не менѣе сходенъ съ правдой; я долженъ вамъ сказать еще и то, что ни мало не почитаю за нескромность, открыть вамъ такую тайну, которую поступокъ дѣвицы Сень-Шонъ, не заставляетъ меня оставить долѣе въ молчаніи, и что нужда вывесть васъ обоихъ изъ заблужденія, принуж-

нуждаетъ меня открыть вамъ во всей его подробности.

Благосклонности моей любовницы, вмѣсто уменьшенія любви моей, воспламеняли оную тѣмъ болѣе. Я всякой день чувствовалъ къ ней новую привязанность. Я слѣдовалъ за нею повсюду. Минуты, въ которыя ее не видалъ, казались мнѣ ужасны. Я не зналъ, что моя горячность и привлеченіе часто были ей въ тягость, и болѣе трехъ мѣсяцовъ, щитая отъ того дня, въ которой думалъ, что сдѣлался совершенно щастливымъ, я не примѣтилъ, что тотъ день, когда взяли съ меня письменной договоръ, былъ послѣдній, въ которой я имѣлъ нѣсколько участія въ сердцѣ дѣвицы Сень Шонъ. Вышедъ изъ монастыря, она возобновила свое знакомство съ Ковалеромъ Праленъ, и почувствовавъ къ нему прежнія свои склонности, опасалась меня лишиться, когда я о томъ провѣдаю. И для того

старалась утвердиться противу всѣхъ не предвиденныхъ случаевъ, и предупредить дѣйствія моей досады, естьли бы я открылъ ее невѣрность. Сіи предосторожности не были тщетны, какъ глаза любовниковъ обыкновенно ясно видятъ, сколько ни старалась она скрывать свою съ Ковалеромъ Пласенъ хитрость, я примѣтилъ, что во всѣхъ собраніяхъ, гдѣ бывалъ онъ вмѣстѣ съ нею, взирала на него живѣе и страстнѣе обыкновеннаго. Она иногда не могла воздержаться, чтобы съ нимъ не говорить или не войти самой въ его разговоры.

Я жаловался на такой ея поступокъ. Я представлялъ ей ясно, что такое поведеніе нимало не сходно съ обязательствами, какія уже другъ съ другомъ мы имѣли. Дѣвица Сень-Шонъ ссылалась на свое свойство, которое должно быть мнѣ извѣстно, и которое увѣряло меня о ея постоянствѣ. Можете

ли

ли вы, говорила она мнѣ, имѣть столь обидное обо мнѣ мнѣніе? Должно намъ быть въ такомъ состояніи и обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь дѣйствительно, чтобы снести подобную укоризну, не сдѣлавъ съ вами вѣчнаго разрыва Слезы пролитыя по сихъ словахъ, увѣрили меня конечно. Я укорялъ самъ себя несправедливостію, что огорчилъ столь чувствительно. Я просилъ униженно простить мнѣ мою ревнивость и обѣщался никогда не впадать въ подобное заблужденіе. Я открою тебѣ, говорила она, всю внутренность моего сердца, и однимъ поступкомъ докажу тебѣ одинаждь навсегда правило моихъ мнѣній. Вы ревновали къ Ковалеру Пралену. Доколѣ вы были заражены сею мечтою, я никогда не обѣщалась вамъ его убѣгать. Моя гордость не могла унизиться до такой крайности. Теперь, когда вы пришли паки въ себя,

сдѣ-

сдѣлаю вамъ такое удовлетвореніе, котораго вы не ожидали. Я вамъ обѣщаюсь, что посредствомъ холодности и презрѣнія, какія я окажу къ Кавалеру, принужу его убѣгать тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я буду.

Не возможно, чтобы послѣ такого опыту я не продолжилъ мою ревность, но что изгнало изъ мыслей моихъ до послѣдняго подозрѣнія, то было дѣйствительное исполненіе слова дѣвицы Сень-Щонъ; ибо съ того времени оказывала она столько холодности къ Кавалеру, что чрезъ восемь или десять дней потомъ, онъ пересталъ совсѣмъ ходить къ Баронщѣ Дрекуръ. Я радовался, что былъ ею любимъ столь страстно. Я думалъ, что столь разумное и порядочное поведеніе не инымъ чѣмъ могло быть заплачено, какъ только дѣйствительнымъ заключеніемъ нашего брака. Я уговаривалъ къ тому дѣвицу Сень-Щонъ. Она са-

ма ничего не желала лучше: не хотѣла, чтобы прежде Графъ де Флоракъ, которому я наслѣдникъ, укрѣпилъ мнѣ свое имѣніе прежде своей смерти. Она опасалась, чтобы сей Графъ досадуя конечно, что я женюсь безъ его на то согласія, не лишилъ меня наслѣдства. Сія остановка спасла честь мою, и сохранила отъ вѣчнаго нещастія. Въ продолженіи времени, которое надлежало употребить на сіе дѣло, я узналъ такія вещи, которыя совершенно открыли мнѣ нравъ дѣвицы Сень-Шонъ. Хотя и казалось, что она сдѣлала настоящій разрывъ съ Кавалеромъ Праленъ, напротивъ того, онъ былъ любокникъ ея сердца; а я тотъ, котораго назначила она служить предлогомъ ея слабостямъ. Вотъ какъ открылъ я сію тайну! Она часто ко мнѣ писала письма, которыя присылала съ горнишною своею дѣвкою, повѣренною всѣхъ ея таинствъ. Сія дѣвка, столь же

ма-

мало стыдливая какъ и ея Госпожа, знала про союзъ съ Кавалеромъ Праленъ, и относила любовныя письма и къ нему и ко мнѣ. Однимъ утромъ, Госпожа ея не садясь еще за туалетъ, по своему похвальному обыкновенію, написала одно письмо къ Кавалеру Пралену, а другое ко мнѣ. Но она ошиблась въ надписяхъ, и подписала его письмо ко мнѣ, а на его письмѣ поставила мое имя.

Горнишная дѣвка явилась съ обыкновеннымъ своимъ посольствомъ. По довольномъ увѣреніи, что госпожа ее не опочивала всю ночь, за тѣмъ что не видала меня наканунѣ того дня у Баронши Дрекуръ; и здѣлавъ мнѣ пространное описаніе о всѣхъ нѣжныхъ разговорахъ, какіе она съ своею Госпожею обо мнѣ имѣла; отправила отъ нее низкой поклонъ, вручила письмо Праленово, подписанное на мое имя, и пошла къ нему играть такуюже роль. Какъ

 она

она вышла, я распечаталъ письмо. Судите о моемъ удивленіи, когда я прочелъ въ немъ слѣдующее:

ПИСЬМО.

Потерпи не много, любезной Праленъ! я сама страдаю равно съ тобою. Но надобно умѣть принудить себя на нѣсколько времени, когда щастіе наше зависитъ отъ огорченія столь маловременнаго. Я тебя люблю, сколько и ты меня. Знаю, какія должны быть тв и безпокойствія, и ты не справедливо меня винишь, будто не участвую въ твоемъ мученіи. Как я бы ни была любовь наша, но она должна сообразоваться съ нашими пользами. Ты не богатъ, мой любезной Кавалеръ! то правда, что налѣляешь тысячу разъ другими выгодными дарованіями сей недостатокъ щастія. Но нынѣ достоинство не пропитаетъ, надлежитъ имѣть нѣчто болѣе. Принудь себя,

я подамъ тебѣ способъ отмстить ему всѣ нещастія, какія онъ тебѣ причиняешъ. Но что я говорю? Не наказалъ ли ты его предварительно, и можешъ ли столько позавидовать нѣкоторымъ наружнымъ ласканіямъ, когда изтощены на тебя во изобиліи наинѣжнѣйшія удовольствія? Прости, любезной Кавалеръ! когда окончатся наши страданія, тогда утѣхи наши будутъ тѣмъ живѣе!

Не возможно вообразить, какое было мое удивленіе при чтеніи сего письма. Я его читалъ и перечитывалъ дватцать разъ Я воображалъ себѣ, что все видѣнное мною было очарованіе. Я думалъ нѣсколько времени, что былъ въ крѣпкомъ снѣ, и мое привидѣніе изчезаетъ по моемъ пробужденіи. Но разсмотря все дѣло съ лучшимъ вниманіемъ, я былъ убѣжденъ, что никогда смертной, не былъ столь чуднымъ образомъ спасенъ отъ рогоношенія, какъ я.

Я предался тысячѣ размышленій, кои меня терзали. Я былъ въ отчаяніи, сдѣлавшись игралищемъ вѣроломной моей любовницы. Я трепеталъ, помышляя объ опасности, въ какую стремился. Мой свадебной договоръ не мало меня безпокоилъ, хотя запасшись полученнымъ мною письмомъ, я имѣлъ чѣмъ сдѣлать оной безъ дѣйствія. и обратить въ ничто.

Между тѣмъ какъ я размышлялъ о безумномъ ослѣпленіи, съ какимъ былъ привязанъ къ дѣвицѣ Сень-Щонъ, она была сама не меньше меня въ замѣшательствѣ. Праленъ получа мое письмо, и узнавъ ея ошибку, побѣжалъ къ ней, чтобы о томъ увѣдомить. Она поняла, что зло было не возвратно, и не возможно ни чѣмъ оправдаться. Она выдумала притвориться, и прежде нежели къ чему приступитъ, ожидала какую я возьму сторону. Что касается

до меня, разсмотрѣвъ все случившееся со мною, рѣшился, что чѣмъ менѣе такое приключеніе будетъ извѣстно, тѣмъ для меня лучше. Я написалъ къ ней письмо, въ которомъ просилъ учтивымъ оброзомъ о возвращеніи свадебнаго моего договора. Я сказалъ ей, что не входя въ дальнія подробности, ей довольно извѣстна причина моего съ нею разрыва. Я обѣщалъ ей прислать на обмѣнъ одну бумагу, которую она по нещастію неудачливо подписала. Увѣрялъ, что предамъ вѣчному молчанію сіе дѣло, естьли не принудитъ сама оное открыть. Я сдержалъ свое слово, и не сказалъ бы ни кому о всемъ произшедшемъ, естьли бы надобность, вывесть двухъ честныхъ людей изъ заблужденія, коихъ она довела до взаимнаго убійства, не принудила меня конечно нарушить мое молчаніе.

Когда дѣвица Сень-Шонъ согласилась на мое предложеніе, я отпослалъ къ ней немедленно послѣднее ея письмо, получа отъ нее обратно мой договоръ. Впрочемъ я скоро былъ отомщенъ за ея вѣроломство. Кавалеру Пралену она наскучила, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ совсѣмъ ее оставилъ, влюбясь въ Маркизу де Вальконтуръ.

Тогда то, сказалъ Баронъ Сень-Сиранъ, началось мое царствованіе. Обѣты мои приняты были, когда Кавалеръ Праленъ сдѣлался невѣрнымъ. Но я вамъ признаюсь: я всегда думалъ, что прежде моего вступленія не случилось ничего такого, на чтобы я могъ имѣть причину жаловаться: но теперь вижу, что и я столько же подвергалъ себя опасности, какъ и вы. Вы обманываетесь, примолвилъ Графъ де Мерюй. Я почитаю, что вы тотъ изъ трехъ насъ, который имѣлъ менѣе всѣхъ опасности,

и

й что Господинъ Момжанъ былъ ближе всѣхъ къ паденію. То правда, отвѣчалъ я, что любопытству Го подина Барона обязанъ я спокойствіемъ всей моей жизни. Чѣмъ могу я извиниться предъ нимъ, что повѣрилъ всѣмъ поставленнымъ мнѣ обманамъ, и поступилъ противъ его столь непристойно? Забудемъ, сказалъ Сень-Сиранъ, все прошедшее. Я не жалѣю ни о нашемъ сраженіи, ни о моей ранѣ, понеже и то и другое намъ теперь очень полезно. Посмотримъ, какъ должно окончить дѣло съ дѣвицею Сень-Шонъ. Я увѣренъ, что она нетерпѣливо желаетъ знать, что сдѣлалось съ обоими нами. Естьли вы со мною согласны, то не заставляя общество смѣяться на нашъ щетъ, сохранимъ все сіе весьма тайно. Станемъ подражать Графу де Мерюй, и простимся съ нею чрезъ письмо. Я согласенъ въ томъ отъ всего моего сердца, отвѣчалъ я,

и чтобы сдѣлать все дѣло смѣшнѣе, напишемъ къ ней одно письмо, и подпишемъ его оба. Сїе намѣренїе показалось Графу де Мерюй и Сень-Сирану столь забавно, что мы тогожъ часу оное исполнили. Мы послали къ ней письмо съ однимъ лакеемъ, хотя уже было тогда болѣе десяти часовъ вечера.

ПИСЬМО.

Одно весьма полезное объясненїе принудило насъ писать къ намъ, какъ теперь ни поздно. Намъ извѣстны безпокойства, въ какихъ вы будете, не получа извѣстїя ни объ одномъ изъ насъ. Графъ де Мерюй, котораго избрали мы судьею нашихъ раздоровъ, легко нашелъ способъ примирить насъ дружески. И мы думаемъ, что вы довольно видите, куда надлежало клониться нашему свиданїю. Впрочемъ, сколько ни имѣемъ причины на васъ жаловаться, мы обѣщаемся вамъ быть столь же скром-

ны, какъ то былъ по сїе время Графъ де Мерюй, и конечно бы остался и всегда таковъ, ежели бы для освобожденія отъ сѣтей вашихъ двухъ честныхъ людей, готовыхъ умертвить за васъ другъ друга, не принужденъ былъ прервать свое молчаніе.

Сїе письмо столь сильно поразило духъ дѣвицы Сень-Шонъ, что чрезъ три дни послѣ сего приключенія, она скрылась въ монастырь и тамъ постриглась; не взирая на сопротивленіе всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, которые не знали о чемъ было дѣло, и не могли отгадать причинъ, какія она имѣла оставить столь скоропостижно свѣтъ.

Ты думаешь, мой сынъ! продолжалъ Господинъ Можанъ, что поступокъ дѣвицы Сень-Шонъ, заставилъ меня разсуждать нѣсколько строже о свойствѣ женщинъ, и вложилъ болѣе предосторожности отъ ихъ обманчивыхъ прелестей?

Со-

совсѣмъ нѣтъ: я скоро впалъ по прежнему въ заблужденіе, подобное тому, изъ котораго лишь только вышелъ; и нещастія, какихъ я избѣжалъ, не могли меня довольно научить убѣгать тѣхъ, коими я былъ обремененъ въ послѣдствіи.

Когда Франція объявила войну Испаніи, набрали много новыхъ полковъ. Я получилъ позволеніе изготовить также одинъ И какъ я всячески старался, представить свой въ наилучшемъ порядкѣ, то и назначили его въ первой годъ итти во Фландрію; во ожиданіи, что обучась всей военной дисциплинѣ, можетъ выступить въ походъ въ послѣдующіе годы. Я привелъ свой полкъ въ Валансіанъ, и хотя и щиталъ, что пробуду тамъ очень мало времени имѣя позволеніе продолжать походъ въ должности Адъютанта при Маршалѣ де . . . и думая возвратясь въ Парижъ употребить зимнее время на пріуготовленіе походнаго

эки-

экипажа; но напротивъ того, я перемѣнилъ намѣренiе, и вмѣсто того, чтобы слѣдовать за Господиномъ Маршаломъ, я думалъ единственно понравиться госпожѣ Негрепонтъ, въ которую я влюбился я страстно. Она была жена одного Бригадира Королевской армiи. Мужъ ея будучи чрезвычайно старъ и не въ силахъ продолжать службу, удалился въ сей городъ съ довольно знатною пенсiею.

Я всякой день видалъ сiю госпожу у Коменданта того города. Она почиталась скромнѣйшею, разумнѣйшею, а притомъ и набожнѣйшею женщиною въ свѣтѣ. Сiе меня много огорчало. Иногда бралъ я на себя истребить изъ сердца моего такую страсть, ко удовольствованiю которой находилъ я непреодолимыя препятствiя. Набожность госпожи Негрепонтъ, приводила меня въ отчаянiе. Она внушала въ меня нѣкоторой родъ почтенiя, препятствующаго много-

го дѣламъ моимъ, и я не смѣлъ сказать ей о томъ, что думалъ. Между тѣмъ, сколь ни почиталъ себя нещастнымъ, не могъ преодолѣть влекущаго меня къ ней стремленія. Я вознамѣрился совсѣмъ предаться оному, чтобы со мною ни случилось. Я старался моимъ исканіемъ и привязанностію обратить ее въ мою пользу. Во всѣхъ собраніяхъ я былъ всегда подлѣ нее, и не пропускалъ случая, примолвить нѣсколько любовныхъ словъ; но все сіе служило мнѣ, или очень мало или совсѣмъ ничего. Госпожа Негрепонтъ отвѣчала мнѣ съ видомъ сколь равнодушнымъ, столь и скромнымъ, и едва обращала на меня глаза, когда удостоивала своимъ отвѣтомъ. Правда, ко утѣшенію моему, я твердо былъ увѣренъ, что не имѣю совмѣстника, и готовъ былъ клясться, что сердце ея объято было любовію божественною. Бывали такія минуты, гдѣ я почиталъ себя дура-

ракомъ, что влюбился въ святую. Но всѣ мои разсужденія ни мало не уменьшали моей страсти, я вздумалъ ей открыться. Чего мнѣ опасаться, говорилъ я самъ въ себѣ. Я уже никогда не буду нещастливѣе того, какъ я теперь, потому что не имѣю ни малой надежды? естьли она осудитъ мою дерзость, по крайней мѣрѣ буду имѣть удовольствіе, что дамъ ей знать о моей любви.

Прежде нежели отважиться на сіе предпріятіе, я желалъ пріобрѣсть ея благосклонность. Она въ своихъ разговорахъ часто вопіяла на недостатокъ надобности въ молодыхъ людяхъ, явно опорочивала развращенные ихъ нравы, и оплакивала женщинъ, обязанныхъ терпѣть распутства молодаго мужа Но что до любовниковъ, она ничего объ нихъ не говорила, и слово любовь никогда не выходило изъ устъ ея. Итакъ я думалъ,

что не неприлично будетъ увѣрить ее, что и самъ довольно имѣю склонности къ набожности и подать хорошее мнѣніе о моихъ поведеніяхъ. Я непремѣнно ходилъ два или три раза всякой день въ ту церьковь, въ которой госпожа Негрепонтъ обыкновенно бывала, не пропускалъ ни заутрени, ни вечерни, принималъ на себя постоянной и скромной видъ, и всегда старался сохранить мою важность во всѣхъ собраніяхъ, гдѣ она бывала, словомъ сказать, я иногда имѣлъ видъ молодаго Сюльпиціана, переодѣтаго въ Офицерское платье, что я предвидѣлъ, то и случилось. Госпожа Негрепонтъ запримѣтила мою премудрость. Она взирала на меня съ меньшею нечувствительностію, и позволяла мнѣ иногда съ собою разговаривать. Правда, что разговоры наши клонились обыкновенно къ огромнымъ предметамъ. Я старался въ оныхъ оправдать то

мнѣніе, какое она обо мнѣ имѣть начинала. И я былъ иногда столь смѣшонъ и забавенъ, когда себя разсматривалъ, что игралъ комедію самъ съ собою. Къ щастію, не было никого свидѣтеля богобоязненнымъ нашимъ разсужденіямъ; безъ чего, не возможно бы мнѣ было продолжить роль столь трудную, столь и отдаленную отъ моего состоянія и нрава. Госпожа Негрепонтъ, сколь набожною ее ни признавали, не хотѣла ни кому открыть духовной своей бесѣды. Удивлялись, видя насъ долго между собою разговаривающихъ. Когда находились мы въ какомъ собраніи, гдѣ не нарушая благопристойности, могли разговаривать, не будучи ни отъ кого слышимы, тотчасъ, мы брали какое ни есть мѣсто изъ нравоученія, и Богъ знаетъ, о какихъ прекрасныхъ вещахъ мы съ нею не говорили? Вступленіе и заключеніе нашихъ умствованій оконч-

чивались освѣдомленіемъ: какія въ той недѣлѣ будутъ праздники? въ которыхъ церквахъ будутъ говорить проповѣдь? и другими набожными сего роду вопросами.

Я столь хорошо снискалъ довѣренность Госпожи Негрепонтъ, и хитрость моя была такъ удачлива, что послѣ ея надзирателя, я былъ тотъ, котораго она болѣе всѣхъ любила. Я получилъ позволеніе видѣться съ нею въ ихъ домѣ, и проводить тамъ время послѣ обѣда. Я провожалъ ее во всѣ мѣстà, куда призывали насъ набожные ея обѣты. Между тѣмъ я остерегался, чтобы Офицеры нашего горнизона не примѣтили моего поведенія. Они бы легко отгадали причину моей набожности. Тайна, которую я скрывалъ сдѣлалась бы извѣстна, и сіе самое могло разрушить дѣлà мои при Госпожѣ Негрепонтъ. Она безъ сомнѣнія бы за то огорчилась, потому, что хотя и начинала чув-

ствовать нѣкоторую ко мнѣ склонность, но конечно бы пожертвовала мною доброй своей славѣ. Ласкаясь столько званіемъ добродѣтельной и набожной женщины въ высочайшей степени, ея суетность легко могла торжествовать надъ любовью.

Какъ скоро я увидѣлъ, что сдѣлалъ нѣкоторой успѣхъ въ сердцѣ Госпожи Негрепонтъ, я помышлялъ пользоваться временемъ и случаемъ. Я безпрестанно опасался, чтобы какой неожидаемой случай не разрушилъ все то, что я съ толикимъ трудомъ основалъ въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ. Я почелъ за нужное изъясниться ей откровенно, и слѣдовать перьвому моему намѣренію. Дѣло было важно, и надлежало поступить. не раздражая набожности, способной содрогнуть при перьвомъ открытіи страсти любовной, сколь почтительна она ни была. Я имѣлъ щастливой успѣхъ,

 и

и гораздо лучше, нежели я чаялъ. Любовница моя была сурова въ одной только наружности, прiятна и чувствительна наединѣ: вся ея гордость изчезала, когда только могла быть увѣрена о сохраненiи тайны.

Она имѣла нѣсколько времени тайнаго любовника, но почувствуя ко мнѣ склонность, его оставила. Таковы были разположенiя, въ какихъ я ее нашелъ; какъ въ одинъ день будучи у нихъ въ домѣ, разговаривалъ я съ нею объ опасности, каковой бываютъ подвержены придворныя госпожи. Я вамъ признаюсь, сказала она мнѣ, что взираю на ихъ состоянiе, какъ на сокрушенiе ужасное для добродѣтели. Всѣ въ томъ одинакого мнѣнiя, что люди слабыя сами по себѣ, будучи подвержены непрестанно жестокимъ нападенiямъ, не могутъ противостоять онымъ. Тѣ которыя не искушены любовiю, искушаются подарками,

со-

сокровищами, честолюбіемъ, желаніемъ или получить себѣ, или доставить другимъ случай и милости. Наконецъ, какъ нѣтъ ни одного человѣка, которой бы не имѣлъ владычествующей имъ страсти; то весьма трудно, или лучше сказать, не возможно сыскать ни единой женщины, которая бы по нападеніи съ слабой ея стороны, не была принуждена здаться. Впрочемъ, любовь раждается въ радости и въ утѣхахъ; и самой воздухъ, какимъ при дворѣ дышутъ, вливаетъ нѣжность въ чувство. Развѣ вы думаете, сказалъ я, что сердце теряетъ свою свободу только посреди свѣтскаго шуму? Можетъ быть, примолвилъ я, взглянувъ на нее страстно, бываютъ состоянія, гораздо сихъ опаснѣе. Препятствія, и великолѣпныя увеселенія, какими наслаждаются при дворѣ, и которымъ предаются безъ разбору, не даютъ разуму времени на размы-

мышленіе. Впечатлѣнія, какія любовь тамъ дѣлаетъ, бываютъ столь слабы, что едва ихъ примѣтить можно. Опытъ намъ показываетъ, и нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что многія страсти начавшись по утру, оканчиваются въ вечеру; и подобно цвѣтамъ, зефиромъ оживленнымъ, продолжаются, какъ и они, не долѣе одного дня. Но естьли кого любишь, по довольномъ размышленіи объ обязательствѣ, какое на себя пріемлешь; естьли любовь, такъ сказать, подкрѣплена разумомъ, имѣла довольно времени возрасти въ молчаніи, и воспитаться въ тишинѣ, тогда раны ея бываютъ не исцѣльны, и должно умереть подъ возложенными на себя оковами.

Вы говорите столь отрастно, сказала мнѣ госпожа Негрепонтъ, что заставляете меня подозрѣвать, что и вы сами находитесь въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ,

тѣмъ, которыя не могутъ разорвать свои оковы. Но нѣтъ! продолжала она, бросивъ на меня умильной взглядъ, конечно обманываюсь я на вашъ щетъ, и можете ли вы быть столь безумны, какъ то бываютъ многія молодыя люди? Можете ли вы, отвѣчалъ я, назвать безумствомъ любовь къ тому, что небо сотворило наидостойнѣйшимъ обожения. Ахъ! сударыня, естьли чтобъ быть разумнымъ, должно не имѣть чувствительнаго сердца; тобы я отказался отъ разума на вѣки, съ той самой минуты, въ которую васъ увидѣлъ.

Я никакъ не ожидала, повторила госпожа Негрепонтъ, чтобы разговоръ нашъ окончался изъяснениемъ столь для меня оскорбительнымъ. Не уже ли вы забыли, что я имѣю мужа, что я завишу отъ другаго, и что не можно мнѣ васъ слушать безъ преступленія. Естьли бы я не слушалась моей долж-

жности, то изгнала бы васъ навсегда изъ моего дому: но дружба, какую къ вамъ ямѣю тому противорѣчитъ, и надежда вывесть васъ изъ заблужденія, препятствуетъ мнѣ поступить съ вами такъ, какъ вы то заслуживали. Ваши милости, сударыня, говорилъ я, ни къ чему мнѣ не служатъ. И когда я осужденъ не имѣть никогда надежды, получить нѣкоторое участіе въ вашемъ сердцѣ, я долженъ удалиться отъ предмета, присудствіе котораго усугубляетъ всякую минуту и мою любовь и мое мученье. Я буду васъ убѣгать. Можетъ быть отсутствіе возвратитъ мнѣ мой разсудокъ, и я будучи далеко отъ васъ, найду то спокойствіе, которое вы у меня похитили.

Боже мой! продолжала госпожа Негрепонтъ, вы поступаете, какъ человѣкъ мною раздраженной. Кажется, вы хотите заставить меня отвѣчать на ваши глупости.

Я

Я думаю, что довольно снизхожу, когда позволяю вамъ продолжать со мною ваше знакомство, и можетъ быть я отваживаюсь . . . . Но нѣтъ! едва я не выговорила такого дурачества, о которомъ можетъ быть вы и безъ того предупреждены къ стыду моему, и мой страхъ послужилъ бы къ усугубленію вашей надежды. Чего вы страшитесь, сударыня, отвѣчалъ я, и какой опасности могу я васъ подвергнуть? Можете ли вы страшиться нещастнаго, котораго вы терпѣть не можете? Кто вамъ сказалъ, повторила притворная святоша, что я васъ не могу терпѣть? Видѣли ли вы то изъ моихъ поступокъ? Обращеніе, какое я съ вами имѣла, походитъ ли на такую женщину, коей сердце чувствуетъ отвращеніе? И понеже вы меня приневоливаете открыть вамъ мои чувствованія и мнѣ несносна ваша несправедливость, я охотно вамъ признаюсь, что еже-

ли бы я была властна въ рукѣ моей, то конечно бы не разполагала ею, какъ только въ вашу пользу. Посмотрите, послѣ сего признанія, имѣете ли вы причину обвинять меня ненавистію къ вамъ? Я хочу сдѣлать больше, и чтобы васъ утѣшить, я позволяю вамъ надѣяться, что ежели я когда либо буду свободна, то конечно кромѣ васъ ни кому не отдамся. Мужъ мой чрезвычайно старъ.... Но я чувствую, продолжала она, что лаская вашей горести, я мѣшаюсь въ моихъ словахъ. Перемѣнимъ разговоръ; и подумайте, что во времени и въ вашемъ постоянствѣ, естьли вы меня дѣйствительно любите, должны вы полагать вашу надежду.

Я столько былъ обрадованъ всѣмъ слышаннымъ мною отъ госпожи Негрепонтъ, что едва имѣлъ довольно силы ей отвѣтствовать. Какъ я ожидалъ отъ нее суроваго пріема, и опасался ея набожности,

то удивленіе мое усугубляло восторгъ мой. Я взялъ у нее руку противъ ея воли и приложа къ моимъ устамъ, цѣловалъ ее страстно. Она покраснѣла, и казалась, что досадовала на мою вольность. Я думалъ, что ее огорчилъ и просилъ, чтобы простила мнѣ мою смѣлость. Наконецъ по нѣкоторомъ сопротивленіи она склонилась, и мы условились съ общаго согласія, что ежели она мнѣ позволитъ говорить иногда о моей страсти, я оставался бы всегда въ предѣлахъ строжайшей благопристойности; мы включили въ нашъ договоръ, чтобы мнѣ употреблять такія съ нею выраженіи, кои бы ни мало не оскорбляли пріобыкшей къ набожеству слухъ. Послѣ чего госпожа Негрепонтъ давъ мнѣ позволеніе себя любить, не пропустила ни одной предосторожности, какую только требовало ея благочиніе.

Я пробылъ почти двѣ недѣли въ семъ положеніи съ моею любовницею. Я говорилъ, что ее обожаю, что не могу жить далеко отъ нее, и насказалъ все то, что обыкновенно любовники выдумываютъ. Я старался вмѣшивать въ мои разговоры нѣсколько такихъ словъ, которыя заставляли чувствовать всю чистоту и нѣжность моей страсти. Такъ было надобно, иначе госпожа Негрепонтъ была бы недовольна. Однако я надѣялся, что любовь сжалится надъ моимъ мученьемъ и ея набожность мало по малу обезсилитъ. Дѣло совершилось, такъ какъ я предвидѣлъ.

Со времени любовнаго моего объявленія, я слѣдовалъ за нею повсюду, хотя бы она имѣла сто набожныхъ должностей. Я отправлялъ съ нею молебствія, и ходилъ по всѣмъ церькамъ, въ которыхъ въ тотъ день праздновали праздникъ. Хотя былъ я тогда при ней,

ней, какЪ уже настоящій любовникЪ, со всѣмЪ тѣмЪ, всегда долженЪ былЪ играть роль пріятеля и спутника. ВЪ одинЪ день звала она меня проводить ее до деревни, лежащей вЪ половинѣ мили отЪ города, вЪ которую премножество народу ходило для богомолья. Мы поѣдемЪ, сказала она, вЪ каретѣ, потому что сколь ни доброе я имѣю намѣреніе, однако не могу туда итти пѣшкомЪ. Я буду васЪ ожидать вЪ восемь часовЪ по утру. Мы отобѣдаемЪ вЪ деревнѣ прежде, нежели сюда возвратимся. Пріѣзжайте ко мнѣ вЪ своемЪ экипажѣ, я принуждена оставить свою карету для моего мужа.

Я не преминулЪ исполнить волю госпожи НегрепонтЪ. Я пріѣхалЪ кЪ ней на другой день по утру вЪ назначенное время, и мы отправились вЪ наше путешествіе; вЪ продолженіи пути мы болѣе говорили о нѣжностяхЪ, нежели о набожностяхЪ, и видЪ, сЪ какимЪ от-

отвѣчала мнѣ моя любовница, заражалъ въ сердцѣ моемъ надежду, обѣщанную мнѣ, что шествіе наше можетъ быть составитъ для насъ путь въ Цитеру.

Пріѣхавши туда, мы осмотрѣли все, что находятъ любопытнаго приходящія въ сію деревню, и исполнивъ нѣкоторыя обыкновенныя богомолцамъ должности, пошли на постоялой дворъ, гдѣ наши люди, которыя насъ тамъ дожидались, изготовили намъ обѣденной столъ. Мы кушали довольно изрядно. Госпожа Негрепонтъ была очень весела. Она увѣряла меня, что деревня производитъ въ ней удовольствіе, которое кажется ей необычайнымъ. Я не знаю, говорила она, но я чувствую, что ежели бы мое сердце могло возстать противу ига, какому я его подвергла, деревенская жизнь была бы единая вещь, могущая доставить ему сію возможность. Я не удивляюсь болѣе о томъ, какъ

опи-

описываютъ въ Романахъ, любовь пастуховъ и пастушекъ. Конечно, отвѣчалъ я, деревня производитъ вкусъ къ нѣжности, и воздухъ, какимъ тамъ дышутъ, содѣйствуетъ въ душахъ и самыхъ нечувствительныхъ. Хотите ли вы тому видѣть опытъ? Покамѣстъ люди наши обѣдаютъ, пробѣжимъ сей маленькой лѣсокъ, которой вы видите по конецъ саду. Я на то не отважусь, повторила госпожа Негрепонтъ. Я уже и такъ довольно раскаиваюсь о чувствованіяхъ, какія имѣть начинаю; а вы хотите, чтобы я пошла наслаждаться воздухомъ, ихъ умножающимъ. Однако я настоялъ столь сильно, что не взирая на ея сопротивленіе, наконецъ согласилась она итти прогуливаться. Не останавливаясь при напоминаніи прошедшихъ моихъ слабостей, скажу тебѣ только, что сіе угожденіе было бѣдственно для набожности госпожи Негрепонтъ. Она сдѣлала перь-

перьвой шагъ. Случай былъ опасенъ. Она была, какъ уже я тебѣ сказалъ, не болѣе, какъ только нѣсколько сомнительна. Она почитала, что довела меня до желаннаго пункта, и думая, что уже нѣтъ нужды остерегаться, сдѣлала мнѣ послѣднее удовольствіе, которое по моему предразсужденію, показалось мнѣ гораздо драгоцѣннѣе, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ.

Я напоминаю тебѣ, мой сынъ! продолжалъ Господинъ Момжанъ, о заблужденіяхъ, въ какія я впалъ, для того только, чтобы подать тебѣ способъ убѣгать имъ подобныхъ. Старайся возпользоваться сдѣланными мною погрѣшностями. и чтобы воспоминаніе бѣдъ, въ какія погрузили меня женщины, заставило тебя страшиться такой же участи. Съ того дня, въ которой я почиталъ себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, госпожа Негрепонтъ оказывала ко мнѣ наижи-

живѣйшую страсть, Она утопала въ слезахъ, ежели нѣсколько минутъ не было меня вмѣстѣ съ нею. Я ее часто оставлялъ, когда казалась она спокойнѣе обыкновеннаго, но по возвращеніи моемъ всегда находилъ ее обливающуюся слезами. Чтобы ее утѣшить, надобны были на то цѣлые часы. и я долженъ былъ клясться, что люблю ее смертельно. Напослѣдокъ, естьли только возможно было ласкаться нѣжною любовью женщины; то я имѣлъ всѣ совершенныя причины быть увѣренъ о страсти моей любовницы. Ты увидишь до чего она дойти могла, и какой отъ меня требовала жертвы. Какъ она непрестанно притворилась, что сомнѣвается о моемъ постоянствѣ, то я употреблялъ всѣ способы ее въ томъ увѣрить. Клянитесь, сказала она мнѣ въ одинъ день, что сдѣлаете для меня то, о чемъ я васъ просить хочу, но клянитесь всѣмъ, что ни есть святѣйшаго. Я ни

какъ не могъ предвидѣть, въ чемъ состояло такое требованіе, и не усомнился обѣщать ей исполнить все, чегобы она ни пожелала. Посмотримъ, продолжала она, устоитель вы въ своемъ словѣ. Я хочу васъ тронуть въ чувствительномъ мѣстѣ. Мое предложеніе тотчасъ покажется вамъ чрезвычайно; но естьли вы любите дѣйствительно, то конечно пренебрежете нѣкоторыя пустыя сомнѣнія. Я безпрестанно опасалась вашего непостоянства. Осталось только одно средство соединиться со мною совершенно. Помогите мнѣ отравить ядомъ моего мужа, и потомъ на мнѣ женитесь . . . . Праведный боже! вскричалъ я, пресѣкши съ стремленіемъ рѣчь ея. Что осмѣливаетесь вы мнѣ предлагать сударыня? И за какого почитаете меня человѣка? Я столько былъ встревоженъ, что принужденъ былъ остаться нѣсколько минутъ безъ языка. Пришедъ не много

въ

въ себя; и подумавъ къ какому ужасному злодѣянію меня склоняла, разсудилъ той же минуты оставить проклятую сію женщину. Предложеніе, сказалъ я ей, какое вы мнѣ, сударыня, теперь сдѣлали, изгнало всю горячность, какую я къ вамъ имѣлъ. Я вижу, что мы не созданы другъ для друга, и я трепещу, что могъ любить особу, имѣющую столь скаредныя склонности.

Ты подумаешь, мой сынъ! продолжалъ Господинъ Момжанъ, что омерзѣніе, какое я оказалъ Госпожѣ Негрепонтѣ, ее потревожило? Совсѣмъ нѣтъ. Она столько же возъимѣла ко мнѣ презрѣнія, сколько и я къ ней. Я всегда думала, отвѣчала она мнѣ, что ты измѣнникъ и подлецъ. Ты не умѣешь ни любить, ни быть щастливъ. Ты сдѣлаешь очень изрядно, когда меня убѣгать станешь, потому, что естьли вздумаешь еще говорить со мною,

я обругаю тебя предъ цѣлымъ свѣтомъ. Я тебя не страшусь: у тебя нѣтъ ни одного письма руки моей, и добрая моя слава довольно утверждена, чтобы могла страдать отъ злословія молодаго глупца, каковъ ты. Я тебя предъувѣдомляю, что естьли ты гдѣ нибудь обо мнѣ молвишь, я довольно тебя наказать умѣю. Ни страхъ, ни ваши угрозы, сударыня, отвѣчалъ я ей, не принудилиби меня молчать; но моя честь много отъ того пострадетъ. И я умеръ бы отъ стыда, естьли бы кто подумалъ, что я столько подлъ, что вы могли мнѣ сдѣлать столь ужасное предложеніе. Послѣ чего я отъ нее вышелъ и почти чрезъ цѣлой мѣсяцъ видѣлъ ее только два раза въ одномъ собраніи, гдѣ я отъ нее убѣгалъ. Я думалъ что она меня забыла совсѣмъ; напротивъ того она помышляла отмстить мнѣ за полученной отъ меня отказъ. И въ такое время, когда я наиме-

менѣе о томъ думалъ, едва меня не погубила конечно.

Я обыкновенно ходилъ прогуливаться въ одинъ загородной домъ, растояніемъ на четверть мили отъ города, и часто мнѣ случалось итти туда одному и пешкомъ. Въ одинъ день, какъ и шелъ обратно въ Балансіанъ, и уже было довольно поздно, неизвѣстной человѣкъ выстрѣлилъ по мнѣ изъ пистолета. Къ щастію, онъ меня не ранилъ, хотя и былъ отъ меня разстояніемъ менѣе десяти шаговъ, Я выхватилъ шпагу, и тотчасъ его догналъ, какъ онъ уйти ни старался. Я столько былъ объятъ гнѣвомъ, что не давъ ему времени опомниться, прокололъ его на сквозь, и повергъ на землю. Онъ въ туже минуту умеръ. Какъ я хотѣлъ удалиться, и оставить сего нещастнаго, утопающаго въ крови, которая во изобиліи изъ ранъ его лилася; то увидѣлъ вдали двухъ человѣкъ, которые

звали крестьянъ на помощь, и кричали: воры! хотя мнѣ нѣчего было опасаться, убивши человѣка, которой искалъ меня умертвить. но я почелъ за лучшее избѣжать оправданія труднаго и скучнаго. Я былъ недалеко отъ города; люди, которые за мною кричали были въ довольномъ разстояніи, и никого не случилось тогда на дорогѣ; и такъ поспѣшивъ притти въ городъ, я вошелъ въ оной безъ всякаго дурнаго приключенія.

Я не сказалъ ни кому, что со мною случилось, и думалъ, что не взирая на всѣ поиски, ни какъ не возможно будетъ узнать, что я убилъ того человѣка. Люди кричавшія: воры! были отъ меня довольно далеко, чтобы узнать меня въ лице. Но совсѣмъ тѣмъ, я весьма удивился, какъ два дни послѣ моего приключенія, Комендантъ сего мѣста прислалъ меня тайно увѣдомить, чтобы я спасался, и выѣхалъ изъ королевства, потому что даны повелѣнія меня

ловить, ибо по слѣдствію нашлось, что я былъ убійца Господина Преваля, соборнаго главной церкви, котораго нашли мертваго на большой дорогѣ. Описаніе, какое приславной ко мнѣ Офицеръ сдѣлалъ всему случившемуся со мною произшествію, не позволило мнѣ болѣе сомнѣваться, чтобы не знали, что я дѣйствительно умертвилъ сего соборнаго. Онъ говорилъ мнѣ о двухъ человѣкахъ, которые звали на помощь. Онъ мнѣ означилъ платье, какое въ тотъ день на мнѣ было, и которое я съ тѣхъ поръ не надѣвалъ. Изъ всего приключенія, онъ забылъ только выстрѣлъ по мнѣ изъ пистолета; и увѣрялъ меня, что нѣтъ о томъ ни слова во всемъ производствѣ, и что просто показано, какъ видѣли меня бѣгущаго за соборнымъ, и пронзившаго его на сквозь моею шпагою. Повѣрьте мнѣ, примолвилъ онъ, не теряйте напрасно времени, и поѣзжайте въ Монса. Вы имѣете сильныхъ враговъ, и

всѣ духовные кричатъ во все горло. Сверьхъ опредѣленія, какое противу васъ исходатайствовали ловить васъ повсюду, писано о томъже господину Маршалу де... Изобличеніе въ убійствѣ повсюду васъ ищетъ, и вступается по слѣдствію соборнаго убитаго на большой дорогѣ. Все что вы противъ того ни скажете, не сдѣлаетъ, можетъ быть, дѣло ваше лучшимъ. Не отваживайтесь на оправданіе столь безизвѣстное. Я послѣдовалъ совѣту сего Офицера. Я отправился тойже минуты въ Монсъ, и едва имѣлъ довольно времени учредить нѣсколько дѣла мои.

Какъ скоро находился я въ безопасности, и начиналъ приходить въ себя и разсматривать все, что со мною случилось, я не могъ никакъ разсудить, по какому случаю сей соборной хотѣлъ меня умертвить? Надобно конечно, говорилъ я, чтобъ онъ обманулся и почелъ меня за другаго. Я не имѣлъ съ нимъ никакой ссоры, и

ни-

никогда ему знакомъ не былъ. Для чего же хотѣлъ онъ отнять жизнь мою? Я терялся въ сихъ размышленіяхъ, и чѣмъ болѣе старался проникнуть въ сію тайну, тѣмъ болѣе находилъ оную не проницаемою.

Начатой искъ продолжался. Я прежде моего отъѣзда нанялъ стряпчаго защищать мое дѣло. Но все сіе стараніе не могло воспрепятствовать, чтобы за мое укрывательство, не приговорили мнѣ отрубить голову. Онъ ко мнѣ писалъ, что по обстоятельствамъ, въ какихъ состояла тяжба, сколь безвиненъ я нибылъ, онъ не совѣтуетъ мнѣ казаться. И что не можно сказать, куда оборотится сіе дѣло, не имѣя никакого доказательства противъ соборнаго и ни одинъ изъ свидѣтелей не упомянулъ о пистолетномъ выстрѣлѣ, на которой я жалуюсь, и по которому конечно бы оправданъ былъ. Сіе извѣстіе чувствительно меня опечалило. Дворъ увѣдомившись тотчасъ о моемъ умышленномъ

смертоубивствѣ, послалъ повелѣніе въ мой полкъ и вдругъ я лишился и чина и отечества.

Скокь ни разительны были такіе судьбы удары, но я нимало не терялъ бодрости. Я поѣхалъ въ Брюксель, и Курфирстъ Баварской, который тогда командовалъ въ Нидерландахъ, обѣщалъ мнѣ свое покровительство, и скоро пожаловать меня чиномъ. Сія искра щастія разсѣяла нѣкоторую часть моихъ печалей. И забывъ нещастія, какія причинили мнѣ женщины, я влюбился въ молодую Ирландку, жену одного офицера той же націи. Она была пригожа, но чрезмѣрно корыстолюбива, и говорила такъ дурно пофранцузски, что очень часто случилось, мнѣ не разумѣть ея словъ. Когда божился ей о всегдашней моей любви, и старался дѣлать страстныя и живыя изъясненія, ко изображенію моихъ чувствъ она отвѣтствовала мнѣ обыкновеннымъ своимъ калякаíньемъ: Paardi, j'en ſuis chaarmée:

en vérité, maantes-vous point? Это такъ, мой это радъ; правда, нѣтъ твой обманутъ? Столь нескладной разговоръ долженствовалъ бы уменьшить любовь мою; но я столько былъ чувствителенъ и столь слѣпо преданъ обладающимъ мною страстямъ, что находилъ пріятности въ томъ, что въ противномъ сему обстоятельствѣ, конечно бы мнѣ смѣшнымъ казалось.

Я не долго пробылъ не заплатя дорого за мое дурачество. Госпожа Баронша де Флинъ, (всякой Ирландецъ внѣ своего отечества, обыкновенно бываетъ или Графъ или Баронъ) довела меня до такого состоянія, что я имѣлъ досугу мыслить о моихъ заблужденіяхъ. Она заставила меня имѣть разходы, столь разточительные, что въ короткое время увидилъ я себя въ долгахъ со всѣхъ сторонъ. Мои имѣнія были забраны и описаны во Франціи, и неинаже какъ великимъ трудомъ получалъ я изъ дому нѣсколько денегъ. Какъ скоро

ро Госпожа де Флинъ увидѣла, что доходы мои уменьшаться начинаютъ, то уменшила ко мнѣ любовь свою. И какъ я наконецъ пришелъ въ послѣдній упадокъ, то вся ея ко мнѣ горячность тотчасъ изчезла. Она превратилась въ прахъ такъ, какъ и мои деньги.

Столь вѣроломный поступокъ начиналъ открывать мнѣ глаза. Перьвой разъ въ моей жизни, я началъ разсуждать о нравахъ женщинъ. Я разсматривалъ нещастія, какія они мнѣ причинили. Естьли бы я никогда не зналъ, говорилъ я самъ въ себѣ, госпожу Негрепонтъ, не былъ бы изгнанъ изъ моего отечества; и ежели бы по испытаніи перьваго сего нещастія я исправился, и не любилъ госпожу де Флинъ, я не былъ бы въ тѣхъ досадныхъ обстоятельствахъ, въ какія привели меня глупыя мои расточенія.

Всѣ разумныя разсужденія, какія я имѣлъ, ни мало не возстановляли моего щастія. Сожалѣнія

ленія были со избыткомъ, но ни къ чему не служили. Напротивъ того усугубляя мои мученія, напоминали мнѣ о прожитыхъ мною имѣніяхъ.

Въ то время, какъ я былъ въ семъ печальномъ состояніи, небо, тронутое моими нещастіями, вдругъ перемѣнило мою участь. Госпожа Негрепонтъ, будучи въ жестокой болѣзни, умерла, лишившись всей надежды, и когда уже надлежало итти воздать отвѣтъ о содѣянныхъ ею злодѣяніяхъ, призналась своему духовнику, что то она убѣдила прозьбою Господина Преваля меня умертвить. Она клялась, что довольно времени онъ былъ тайнымъ ея любовникомъ, и что оставила его для меня. Но какъ онъ всегда былъ къ ней страстенъ, то и обѣщалась любить его по прежнему, буде лишитъ меня жизни. Чтобы довести до такого поступка, она его увѣряла, что не смѣетъ опять ему предаться до тѣхъ поръ; пока

ка

ка я живъ, опасаясь, чтобы досада не принудила меня открыть обществу всѣ оказанныя мнѣ отъ нее удовольствія. Что соборной, прельщенной ея страстью, склонился на ея требованіе, и она, знавши мѣсто, гдѣ сей духовной меня дожидаться будетъ, подкупила двухъ человѣкъ, и послала подсмотрѣть издали, что между нами произойдетъ. И тѣ самые два челсвѣка просили потóмъ на меня въ судѣ; которыхъ она потóмъ отославъ въ Голландію, отправила оттуда въ Индію, опасаясь, чтобы тайна, какую она имъ ввѣрила, со временемъ не сдѣлалась извѣстна.

Духовникъ госпожи Негрепонтъ, ужаснувшись столь свирѣпаго злодѣйства, не далъ ей разрѣшенія, и показалъ ей, что не должно надѣятьси ни какого отпущенія отъ Бога, естьли законнымъ покаяніемъ не удовлетворитъ прежде своей смерти, учиненную мнѣ обиду, и не оправдаетъ меня совершенно

шенно предъ судіями и предъ обществомъ. Сколь ни строго казалось такое покаяніе для госпожи Негрепонтъ; но страхъ вѣчнаго мученія, и состояніе, въ какомъ она находилась, не имѣя почти болѣе участія въ жизни, убѣдили ли ее къ признанію, какого духовникъ требовалъ. Она велѣла призвать къ себѣ Нотаріуса, и при четырехъ свидѣтеляхъ пересказала ему все слышанное тобою, и чрезъ нѣсколько минутъ умерла. Духовникъ отнесъ сіе свидѣтельство къ Коменданту города, который сочинивъ краткой экстрактъ, отправилъ ко двору. Мой стряпчій отписалъ ко мнѣ о всемъ произшедшемъ, что самое не мало утвердило меня въ намѣреніи, быть впредь осторожну противу страстей моихъ. Я поѣхалъ въ Балансіанъ, явился судьямъ, которые уничтоживъ первое свое опредѣленіе, и заключивъ другое, освободили меня отъ иску и тяжбы. Я вступилъ по прежнему во

вла-

владѣніе моихъ имѣній, и претерпѣвъ жесточайшее нещастіе, пріобрѣлъ столь щастливое состояніе, какого прежде и надѣяться не смѣлъ.

Чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи моемъ во Францію, заключенъ былъ миръ, и я не думалъ болѣе вступить въ службу. Всѣ мои родственники неотступно уговаривали меня остаться жить на одномъ мѣстѣ. Они мнѣ доказывали, что въ томъ было послѣднее средство предохраниться отъ моего сложенія, и утвердить себя совершенно. Я чувствовалъ, что они имѣли причину подавать мнѣ такой совѣтъ, и что сколь много зла мнѣ любовь ни сдѣлала, я имѣлъ нужду защититься отъ сѣтей ея, и искать къ тому способу въ женидьбѣ. Познавая надобность въ моемъ утвержденіи, я искалъ пристойнаго себѣ союза. Мои друзья думали, что я не могу поступить лучше, естьли женюсь на дѣвицѣ Рюремондъ. Я

охотно послѣдовалъ ихъ совѣту и на ней женился. Чрезъ годъ послѣ свадьбы, ты произшелъ на свѣтъ. Но радость, какую я имѣлъ о твоемъ рожденіи, пресѣчена была слезами и горестію, о утратѣ моей супруги. Мать твоя, какъ я часто тебѣ о томъ сказывалъ, скончалась три дни послѣ, какъ ты родился, и первое разрѣшеніе свело ее во гробъ. Я тѣмъ болѣе чувствовалъ сіе нещастіе, что никогда женщина не присоединяла къ красотѣ столько пріятности и разума. Я долго былъ погруженъ въ жестокую меланхолію; но нѣтъ горести, которую бы время не облегчало. Я получилъ мое спокойствіе по прежнему, и прилагалъ всѣ мои старанія о твоемъ воспитаніи. Какъ я имѣлъ дѣтей одного только тебя, и ты казался весьма нѣжнаго сложенія; то мои родственники хотѣли меня склонить ко второму браку, но все было тщетно. Я всегда

 оста-

оставался въ твердомъ намѣреніи не имѣть болѣе привязанности къ женщинамъ. Я опасался, что не буду щастливъ въ другой разъ такъ, какъ я былъ въ перьвой. И одно приключеніе, которое случилось съ однимъ вѣрнѣйшимъ моимъ другомъ, совершило мое отвращеніе къ женскому полу. Возобновляя въ умѣ моемъ всѣ причиненныя мнѣ отъ нихъ нещастія, оно превратило въ ненависть природную склонность, какую я къ нимъ всегда имѣлъ.

Графъ де Сень-Мартинъ женился на дѣвицѣ Пьерредонъ, и ласкался найти въ ней щастье. Всѣ его пріятели ему въ томъ совѣтовали. Я самъ былъ изъ перьвыхъ, хвалившихъ ему разумъ, скромность и постоянство сей дѣвицы, которую я часто видалъ у одной моей родственницы. Разсуди, мой сынъ! сколь велико было мое удивленіе, а друга моего обида, которому его супруга чрезъ

пять

пять мѣсяцовъ послѣ ихъ свадьбы, родила девятимѣсячнаго младенца. Она надѣялась сокрыть сїе приключенїе; но какъ болѣзнь рожденїя случилась съ нею, когда она того ни мало не ожидала, то и принуждена была разрѣшиться отъ бремени въ домѣ Маркизы де Сень-Валь. Досада, какую получилъ Графъ де Сень-Мартинъ, будучи принужденъ признать за своего сына, ребенка никакъ ему не принадлежащаго, но которому быть отцомъ повелѣвалъ законъ, потому что онъ родился въ теченїи законнаго супружества, стоила ему жизни. Отъ самыхъ родинъ онъ уже не видалъ своей супруги, и цѣлыя шесть мѣсяцовъ влачилъ жизнь горести и печали преисполненную. Я сочувствовалъ понесенной имъ стыдъ. И какъ я самъ нѣсколько былъ невинною тому причиною; то отказался непремѣнно отъ сообщества женщинъ. Я удалился въ сей сельской домъ, гдѣ

теперь живемъ съ тобою, и въ которомъ я тебя воспиталъ. Я употребилъ всѣ мои старанія внушить тебѣ удаленіе отъ сего пола. Я ѣздилъ съ тобою сколько можно рѣдко по городамъ; я старался сдѣлать тебѣ ненавистною тамошнюю жизнь: ибо я думалъ, что всѣ сіи вещи могутъ тебѣ быть гибельны, и я опасался чтобы и ты не впалъ въ такія же сѣти, какихъ я избѣжать не могъ. Воспользуйся мой сынъ! признаніемъ моихъ слабостей, и описаніе, какое я тебѣ объ оныхъ сдѣлалъ, да послужитъ къ сохраненію собственнаго твоего спокойствія.

Конецъ первой части.

